Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

Владимирский государственный университет

В.Е. Семенов

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ

Учебное пособие

Владимир 2009

УДК 316.1
ББК 60.504
С30

Рецензенты:

Доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
Владимирского филиала
Российской академии государственной службы при президенте РФ
Е.А. Плеханов

Доктор философских наук, профессор
кафедры гуманитарных дисциплин
Владимирского государственного гуманитарного университета
В.Н. Константинов

Печатается по решению редакционного совета
Владимирского государственного университета

Семенов, В. Е. Анализ и интерпретация данных в соци-
С30 ологии : учеб. пособие / В. Е. Семенов ; Владим. гос. ун-т. –
Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2009. – 132 с.
ISBN

В соответствии с программой курса «Анализ данных в социологии» рассматриваются теоретические и практические проблемы и процедуры обработки, анализа и интерпретации данных качественных и количественных социологических исследований. В конце каждой главы приведены вопросы для самоконтроля.

Предназначено для студентов III курса очной формы обучения специальности 040200 – социология.

Ил. 2. Табл. 6. Библиогр.: 33 назв.

УДК 316.1
ББК 60.504

ISBN

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Анализ собранной информации – самый увлекательный и творческий этап социологического исследования, требующий от исследователя незаурядного воображения, интуиции, профессионального и жизненного опыта. Вместе с тем эта стадия является наиболее сложной из всех, составляющих процесс изучения (конструирования) социальной реальности.

Именно на этом этапе социолог вновь вспоминает известный афоризм: «Прежде чем решить задачу, подумай, что ты будешь делать с ее решением». – Ибо, после того как собраны эмпирические данные, необходимо провести первичный анализ, который изначально включает в себя интерпретацию и зависит от теоретических конструкций и моделей объяснения. Обработав первичные данные и получив результаты группировки, высчитав средние меры и выразив информацию графически, проведя одномерный и многомерный анализы, установив корреляцию и регрессию и, наконец, подвергнув данные математической обработке, исследователь вплотную сталкивается с главной проблемой своей деятельности – как все это понять? как интерпретировать результаты? Иначе говоря: что делать с решением задачи?

Учебное пособие как раз и посвящено анализу, пониманию, интерпретации и объяснению эмпирических данных. Его основное предназначение – дать ответ на вопрос, что делать с решением задачи. Следовательно, пособие раскрывает последний этап социологического исследования. Соответственно, настоящий курс – «Анализ данных в социологии» – должен изучаться после таких дисциплин, как история социологии, методология и методика социологического исследования и др.

Первый раздел отводится таким вопросам, как предмет учебного курса, роль общесоциологических теорий в процессе анализа данных, а также рассмотрению основных парадигм социологии, которые сформировали основные типы исследований (качественные,

количественные) и доминирующие модели анализа, понимания, истолкования и объяснения полученных данных. Другими словами, фундаментальная тема раздела – детерминирующее влияние социологической *теории* на *эмпирическое* исследование, обусловленность как эмпирических процедур, так и полученной информации, ее обработки и интерпретации со стороны теоретических конструкций.

Во втором разделе рассматриваются проблемы социологического измерения, основные практики анализа данных, процедуры типологического анализа.

Особое значение имеет глава VIII, цель которой – дать представление о качественной стратегии исследования. По укоренившемуся в свое время подходу к преподаванию социологии качественной (гуманистической) парадигме отводится (если вообще отводится) существенно меньшее внимание, нежели количественной. При этом качественной социологии предлагается второстепенная роль. Подобная диспропорция в преподавании социологии объясняется, главным образом, превалирующим до недавнего времени статусом позитивистской парадигмы в общей структуре социологии. Ее громко заявленное стремление к научности, а также подчеркнуто наукообразная форма («внешность») в какой-то степени дезориентировали научное сообщество и привели к дисбалансу качественных и количественных стратегий исследования внутри социологии.

В последние десятилетия «дискриминационный» перекос постепенно уменьшается, хотя говорить о паритетном существовании качественных и количественных методов пока еще не приходится. Тем не менее мировое социологическое сообщество отчетливо осознало проблему соотношения метаметодик и, как следствие, поставило перед собой задачу более сбалансированного развития фундаментальных исследовательских стратегий. Таким образом, задача указанной главы – ввести студентов в курс дела качественной методологии.

Заключительная глава посвящена наиболее интересному и трудному этапу исследования – интерпретации результатов обработки эмпирических данных. Поскольку эта стадия требует максимального творческого потенциала и воображения социолога, постольку дать *конкретные* методические советы или алгоритм в отношении того, *ка́к* следует истолковывать социологические данные, конечно

же, невозможно. Однако познакомиться с наиболее общими принципами творческой работы интерпретации возможно и необходимо. Помимо этого, целесообразно сразу же рекомендовать будущим социологам обратить самое пристальное внимание на такую активно развивающуюся в последнее время прагматическую науку, как *эвристика*[1]. В известной социологической ситуации именно эвристика – наука о творческом мышлении – сможет оказать и начинающим, и опытным исследователям существенную практическую помощь.

Учебное пособие не предполагает непосредственного и подробного ознакомления читателя со всем комплексом проблем и процедур *математического* анализа данных. Студентам-социологам читаются специализированные курсы по математике и социальной статистике. Именно в их рамках необходимо рассматривать методы математического анализа. В данном пособии указаны лишь наиболее общие условия и принципы применения математических методов.

К большому сожалению, ограниченный объем не позволил сделать пособие более иллюстративным и наглядным. С какими-то типами и видами таблиц, графиков, рисунков студенты уже познакомились в процессе изучения других социологических спецкурсов. Для того чтобы получить ясное представление о других графических формах отображения эмпирических данных, необходимо обратиться к спискам основной и дополнительной литературы, приведенным в конце пособия.

Тема анализа, понимания, интерпретации и объяснения данных в социологии чрезвычайно обширна. Данный курс лекций, конечно же, не в состоянии, даже в общих чертах, охватить многообразные исследовательские практики. Поэтому пособие должно стать своего рода «гидом» в собрании социологической литературы и «лоцманом» в море исследовательских процедур и фактов.

---

[1] *Эвристика* – наука, изучающая закономерности построения новых действий в новой ситуации, т. е. организацию продуктивных процессов мышления, на основе которых осуществляется генерирование идей и последовательное повышение степени их правдоподобности. В основе эвристической деятельности лежит не только логическое мышление, но и такие функции сознания, как воображение, интуиция, инсайт.

Раздел 1. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ КАК ПАРАДИГМЫ АНАЛИЗА, ОБЪЯСНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ

Глава I. Предмет курса «Анализ данных в социологии». Роль теорий в социологическом исследовании

§ 1. Понятие «анализ данных»

В социологии существует, как минимум, пять основных значений понятия «анализ данных»: 1) совокупность действий, совершаемых в процессе изучения полученных эмпирических данных, для того чтобы сформулировать представление о характеристиках изучаемого явления, т. е. *первичная обработка эмпирических данных*; 2) процесс изучения статистических данных с помощью математических методов и моделей с целью более удобного и наглядного их представления, иначе говоря – *математическая обработка данных*; 3) понятие «анализ данных» употребляется как тождественное прикладной статистике; 4) процедуры «свертывания» информации, которые не допускают формального алгоритмического подхода, характерного для математических моделей; 5) исследовательская стратегия объяснения, интерпретации и понимания эмпирических данных, которая диктуется социологическим мировоззрением исследователя, его принадлежностью к тому или иному социологическому направлению или школе.

Эти основные значения (смыслы) понятия свидетельствуют, что существуют различные *уровни анализа эмпирических данных:*

1) *уровень теоретической парадигмы*: самый «высокий» уровень, определяемый социологическим направлением, к которому относится исследователь (например: культурологическая, интерпретационная, функциональная, натуралистическая, конфликтологическая и другие парадигмы);

2) *теории «среднего уровня»* – основной рабочий инструмент социолога; в рамках таких теорий как раз и задаются определенные переменные, позволяющие анализировать и интерпретировать полученные данные;

3) *эмпирический анализ* – первичная обработка данных, которая, как правило, начинается с группировки (*статистический анализ*) или *первичного описания* тестовых данных (*«гуманитарный» анализ*)[2].

Помимо указанных значений понятия «анализ», существуют также конкретные виды анализа, применяемые в социологии: типологический, факторный, причинный, детерминационный, конверсационный, сравнительный (компаративистский), структурный, контент-анализ, контекст-анализ, дискурс-анализ и т. д.

В целом, любое социологическое исследование представляет собою *анализ* какого-либо фрагмента социальной реальности. Именно поэтому дефиниция термина «анализ» в социологии возможна только тогда, когда термин используется в определенных сочетаниях: логика анализа, стратегия анализа, модель анализа, первичный анализ данных, статистический анализ, вторичный анализ, математический анализ, гуманистический анализ, типологический анализ, факторный анализ и т. д.

Под *методологией анализа данных* чаще всего понимают систему знаний о взаимосвязи типов социологических данных, методов сбора (в том числе методов измерения), метаметодик и стратегий анализа данных.

Социологические (или эмпирические) данные можно определить как первичную информацию любого рода, полученную в результате проведения одного из многочисленных типов социологического сбора информации.

Все полученные данные можно разделить на несколько групп (видов) в зависимости от способа получения информации, ее характера, а также задач, приемов и методов обработки и анализа полученных сведений.

Можно выделить следующие *виды социологических данных*:

1) *данные типа «государственная статистика»*: социальные показатели (информация) самых различных сторон жизнедеятель-

---

[2] Указанные операции будут рассмотрены во втором разделе.

ности общества (статистические ежегодники по демографии, экономике, труду, занятости, здравоохранению, культуре, торговле и т. д.); данные переписи населения; исследования об условиях жизни; результаты выборов и референдумов; архивы предприятий и учреждений и др.;

2) *данные, полученные с помощью вопросников «простой» структуры*, т. е. результаты массовых опросов общественного мнения; «простые» опросники, как правило, отвечают на вопрос «Что это?»;

3) *данные, полученные посредством анкет и интервью со «сложной» структурой* (глубокие аналитические исследования), отвечающие на вопросы «Почему это?», «Зачем это?»;

4) *данные об исследовании бюджета времени*;

5) *текстовые и документальные данные* самых различных типов, которыми оперируют обычно в качественных исследованиях.

§ 2. Предмет курса «Анализ данных в социологии»

Анализ данных, как уже говорилось, – самый увлекательный этап исследования. Нужно добавить: и самый сложный с точки зрения интеллектуальных усилий и профессиональной квалификации. На этой стадии проверяется, насколько правильными были предположения и гипотеза. Здесь мы получаем ответы на заданные вопросы и формулируем новые проблемы.

Отсюда становится ясным, что к основным темам и проблемам, т. е. *предмету* нашего специализированного социологического курса, относятся: 1) рассмотрение основных социологических парадигм, а также моделей объяснения и анализа полученной информации; 2) методологические проблемы объяснения и интерпретации; 3) сущность и соотношение качественных и количественных методов и специфика анализа данных в каждом из них; 4) проблема измерения в социологии; 5) конкретные методы, способы и приемы анализа эмпирических данных; 6) основные исследовательские стратегии, как включающие в себя, так и определяющие методологию анализа эмпирической информации.

Любой процесс социологического исследования состоит из следующих обязательных *стадий*:

1) осознание теоретической или практической недостаточности имеющегося наличного знания;

2) формулировка проблемы и выдвижение гипотез (в качественных исследованиях гипотезы, как правило, выдвигаются на более поздних этапах исследования);

3) сбор эмпирического материала, на основе которого гипотетические предположения могут быть подтверждены либо опровергнуты;

4) анализ эмпирических данных при помощи самых разнообразных методов, стратегий, исследовательских программ и моделей;

5) интерпретация обработанных данных и объяснение при их помощи социального явления;

6) переопределение и уточнение проблемы или гипотезы, ведущие к новому исследовательскому циклу.

Таким образом, анализ данных (как он понимается в данном курсе) состоит из ряда стадий исследовательского процесса: своим исходным пунктом он имеет этап первоначальной обработки полученных эмпирических данных и завершается интерпретацией вновь приобретенной информации и объяснением проблемы (социального явления).

§ 3. Структура данных и стратегии анализа

Любые эмпирические данные всегда каким-то образом структурированы по своей форме. В зависимости от степени структурированности данные принято подразделять на следующие типы:

1) *жесткоструктурированные* – данные, существующие в виде матриц любого типа (например, таблиц), а также полученные посредством формализованной части вопросника анкеты (интервью) по схеме *закрытых* вопросов. Этот тип данных легко подвергается формализации и так же легко выражается в цифрах. Отсюда видно, что жесткоструктурированные данные чаще всего оказываются результатом массовых опросов;

2) *слабоструктурированные* – данные, существующие в текстовой форме, но при этом специально организованные. К ним, прежде всего, относятся тексты, полученные: а) как ответы на открытые вопросы (с ограниченным полем поиска ответов); б) методом не-

оконченных предложений (тест на завершение предложения); в) тестом двадцати самоопределений, предназначенным для измерения самоидентичности личности[3]; г) при использовании метода репертуарных решеток (теория личностных конструктов Дж. Келли[4]).

Существуют и другие источники слабоструктурированных данных. Подобные источники можно условно разделить на различные форматы таких данных. Например, для одних только открытых вопросов может существовать большое число форматов[5].

3) *неструктурированные* – данные, существующие в виде текстов и полученные в процессе проведения разного вида интервью (нарративного, лейтмотивного и т. п.). Сюда относятся также тексты ответов на открытые вопросы с неограниченным полем поиска ответов и любые другие тексты или документы, к которым обращается социолог. Эти данные не формализованные, слабо организованные.

Характер *общей стратегии анализа* определяется тем *типом умозаключения*, который выбирает социолог в зависимости от целей своего исследования. Если в качестве базового направления анализа избирается *индуктивное умозаключение*, то в этом случае стратегия анализа данных будет *восходящей* (от частного к общему).

Если же исследователь опирается на *дедуктивное умозаключение*, то стратегия анализа данных будет называться *нисходящей* (от общего к частному).

Эти две стратегии являются наиболее распространенными не только на стадии анализа данных, но и в ходе всего исследования, начиная с процедур определения задачи исследования, определения выборки, сбора данных и т. д.

[3] *См.*: Кун М., Макпартленд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 180 – 187.

[4] *См.*: Тарарухина М.И., Ионцева М.В. Техника репертуарных решеток Дж. Келли. – М., 2002. – Т. 15. – С. 114 – 138.

[5] Под *форматом* в данном случае понимается форма существования и использования некоторого логического конструкта. *Формат* можно определить как логически взаимоувязанную совокупность эмпирических индикаторов определенного вида, где «предметный» открытый вопрос дополняется («контролируется») другими открытыми или закрытыми вопросами.

Помимо этих двух существует, но применяется несколько реже, *абдуктивная* стратегия, которая сочетает в себе элементы как индукции, так и дедукции. *Абдукция* как вид умозаключения строится по схеме: а) сбор отдельных фактов; б) формулировка гипотезы, объясняющей совокупность фактов; в) проверка демонстративной силы гипотезы (т. е. ее истинности).

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных инструментов анализа, необходимо обратить внимание на основополагающую (фундирующую) роль общих социологических теорий в процессе анализа и интерпретации данных, а также их объяснения и понимания.

§ 4. Зависимость социологического анализа эмпирических данных от теорий и моделей объяснения

Социологическое исследование направлено, в конечном счете, на объяснение некоторого *социального факта*. Само понятие социального факта было введено в социологию Э. Дюркгеймом.

Социальный факт можно рассматривать *онтологически*, т. е. как любые не зависящие от наблюдателя состояния действительности или свершившиеся события. Но можно выделить в нем и *логико-гносеологический аспект*, а именно: социальный факт есть научно обоснованное знание, которое получено путем описания отдельных фрагментов социальной реальности в некотором определенном пространственно-временном интервале.

В современной социологии *социальными фактами* принято считать: 1) совокупные и систематизированные характеристики массового поведения; 2) такие же характеристики массового сознания – мнений, установок, оценок, суждений, экспектаций, преференций, верований и т. п.; 3) обобщенные характеристики продуктов духовной и материальной деятельности индивидов, социальных групп и слоев, институтов и т. д. – вплоть до человечества в целом; 4) отдельное событие, случай, социальное действие, состояние социального взаимодействия, истории жизни и другие индивидуальные и мелкогрупповые характеристики социальной реальности, подлежащие интерпретации с позиции деятельного субъекта.

Эта последняя разновидность социального факта исследуется микросоциологией (феноменологией, символическим интеракционизмом, «понимающей» социологией и т. п.). При этом микросоциологический подход ориентируется не столько на выявление социально-типических характеристик предмета исследования, сколько на изучение индивидуальных параметров (хотя и не исключает типические черты).

Поскольку все без исключения социальные факты приобретают свой смысл (могут быть объяснены) только благодаря той или иной *системе понятий*, с помощью которой мы описываем (конструируем) социальную реальность, постольку весь процесс социологического исследования (включая и анализ данных) непосредственно зависит от применяемой нами теории, в которую как раз и входят используемые понятия. Стало быть, социальный факт есть определенный *итог* научного познания, а вовсе не его начало.

Уже простейшее познавательное действие по присвоению некоторому факту наименования (подведению под понятие) есть не что иное, как процесс категоризации, и, соответственно, в этом случае факт будет означать именно то, что заложено в смысле понятия.

На более «высоких» уровнях *объяснения* и *понимания* социальных фактов в действие приходят не только одни лишь понятия, но социологическая теория в целом. Именно теория «предписывает» социологу определенный взгляд, угол или точку зрения («фрейм», как сказал бы Э. Гоффман) на социальные факты. Именно от теории (или социологического направления, или от модели объяснения) зависит результат нашего объяснения и понимания социального факта. Следовательно, социологи, придерживающиеся различных социологических парадигм, один и тот же факт будут объяснять по-разному. Может даже возникнуть такая ситуация, когда два исследования, исповедующих противоположные фундаментальные социологические установки, объяснят и оценят социальное явление также прямо противоположным образом. Отсюда ясно, что в ходе социологического исследования и, – шире, – в процессе развития социологического знания *именно теории определяют, что считать социальным фактом* и как следует его объяснять. Это означает, что разнообразные модели объяснения и понимания представляют собою *стандарты* оценки адекватности истолкования социальных фактов в рамках

конкретного социологического направления. Эти модели можно назвать *социологическими стандартами рациональности*. И, следовательно, различные стандарты предъявляют различные требования к эмпирическим данным и тем самым определяют реальную *логику исследования*, т. е. те методологические нормы, способы концептуализации, используемые методы, критерии оценки, которые полностью определяют и подчиняют себе эмпирические факты.

Таким образом, доминирующая роль в определении норм социологического (шире – научного) исследования принадлежит моделям теоретического описания, объяснения и понимания, которые приняты в той или иной парадигме социологии. Подобная модель предопределяет нормативные логические стандарты, с помощью которых ученые оценивают, что именно в рамках собственной исследовательской программы они будут считать плохим или хорошим описанием, доказательством, объяснением, экстраполяцией и т. д. Теоретические перспективы (парадигмы объяснения и понимания), стало быть, детерминируют прикладную логику научного исследования.

Безусловно, реальная социологическая практика со своей стороны оказывает *обратное влияние* на модели социологического объяснения, вынуждает вносить коррективы в их структуру и способы интерпретации и тем самым «тестирует» успешность и эффективность моделей, ибо их познавательная ценность оценивается способностью объяснить социальные факты. Здесь необходимо заметить, что полезность, утилитарную значимость моделей можно установить только в рамках данной социологической парадигмы, но никак не «со стороны», не с точки зрения другой, отличающейся, парадигмы, ибо там – уже иные социологические стандарты рациональности.

§ 5. Основные парадигмы социологического объяснения

Из многочисленных социологических направлений, школ и теорий можно выделить основные, т. е. *парадигмальные* концепции.

Джордж Ритцер (США), например, в 1975 г. выделил три парадигмы: социальных фактов, социального определения и социального поведения[6]. В основу такой классификации положены че-

[6] Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002. – С. 571 – 572.

тыре критерия: *образцовое исследование* (т. е. что в рамках данной парадигмы можно считать за *образец* социологического анализа и объяснения); *определение предметной области* (представление социологов данной парадигмы о собственном предмете исследования и – шире – о предмете социологии в целом); применяемые *методы исследования* (какие именно методы коррелятивны (согласуются) предмету исследования); *модель теоретического объяснения,* или *теоретическая перспектива* (общефилософские представления социологов об окружающем мире, социальной реальности и её структуре, философско-социологические ценности, нормы, установки).

Парадигма социальных фактов. *Образцом исследования* для представителей данной парадигмы служат классические работы *Э. Дюркгейма* «Самоубийство» и «Правила социологического метода». Соответственно, родоначальником этого типа социологической рациональности является также Э. Дюркгейм.

1. Основным *предметом* являются *социальные факты*, т. е. закрепленные стандартизированные («автоматические») действия, оказывающие на индивида внешнее давление, а также социальные институты и другие крупные социальные структуры, влияющие на личность.

2. *Методы*, которым отдаются предпочтения внутри этой парадигмы (опросные и сравнительно-исторические методы).

3. К парадигме социальных фактов Дж. Ритцер относит такие теории, как *структурный функционализм, теории конфликтов, теории систем.*

Парадигма социального определения. *Образцом* для сторонников этого направления являются работы, посвященные теории социального действия в «понимающей» социологии *М. Вебера,* основоположника всей парадигмы.

1. *Предмет исследования* – определение *социальной ситуации* и *действия* с точки зрения самих действующих акторов, а также изучение того влияния, которое оказывает такое определение на последующие действия и взаимодействия.

2. *Методы*: метод наблюдения (особенно включенное наблюдение (этнографический метод)) биографический и опросный методы.

3. К данной парадигме относятся *теории действия, символический интеракционизм, феноменологическая социология, этнометодология, экзистенциализм, «драматургическая» социология, теория коммуникативного действия*.

Парадигма социального поведения. *Образцом* для представления данной парадигмы являются работы *Берреса Скиннера*[7].

1. *Предметная отрасль* с точки зрения *социального бихевиоризма* есть *неосознанное поведение* индивидов. Особый интерес представляют награды, вызывающие желательные виды поведения, и наказания, сдерживающие нежелательное поведение.

2. *Методом,* наиболее предпочтительным для бихевиоризма, является эксперимент.

3. В состав парадигмы социального бихевиоризма Ритцер включает *поведенческую социологию*, близкую к психологическому бихевиоризму, и более значительное направление – *теорию обмена*.

Помимо классификации Дж. Ритцера, можно отметить также концепцию социологических парадигм *Джона Масиониса* (США 1987)[8].

Д. Масионис считает, что при построении теории социологи сталкиваются с двумя главными вопросами: *Какие предметы следует изучать*? и *как увязывать* (объяснять и понимать) *полученные факты*? Ответы на эти вопросы зависят от теоретической парадигмы, или «дорожной карты». *Теоретическая парадигма*, по мнению Масиониса, есть исходный образ общества, который направляет ход мышления и исследования. Социология располагает тремя основными подходами: *структурно-функциональным*, *социальной конфликтологией* и *символическим интеракционизмом.*

Структурно-функциональная парадигма. Общество рассматривается как сложная система, отдельные части которой слаженно работают для обеспечения единства и стабильной системы. Внимание сосредоточивается на *социальной структуре*, под которой понимается любой относительно устойчивый образец социального действия. Кроме того, исследуются *социальные функции* структуры и их последствия для деятельности общества в целом. К числу основоположников парадигмы Масионис относит О. Конта, Г. Спен-

---

[7] Выделение данной парадигмы в качестве социологической, в отличие от двух предыдущих, не является бесспорным. Указанная Ритцером сфера исследования имеет к социологии *косвенное* отношение. Включение в классификацию парадигмы социального поведения представляет собою, скорее всего, своеобразную «дань» американскому представлению о социальных и гуманитарных науках.

[8] *Масионис Дж.* Социология. – СПб.: Питер, 2004. – С. 42 – 47.

сера и – главным образом – Э. Дюркгейма[9]. Окончательную форму структурному функционализму придали Т. Парсонс и Р. Мертон. Именно они сформировали модель объяснения эмпирических данных, присущую функционализму. Отрицательной чертой этой парадигмы Масионис считает её представление об обществе как устойчивом, упорядоченном и статичном образовании.

Парадигма социального конфликта. В основе парадигмы лежит схема, которая воспроизводит общество как арену неравенства, порождающего конфликты и изменения. В отличие от структурно-функционального акцента на интеграции и солидарности этот подход делает упор на неравенстве. Изучаются, прежде всего, такие факторы, как класс, раса, возраст, этническая принадлежность, статус с неравномерным распределением богатства, власти, образования и социального престижа. К числу основоположников парадигмы Масионис относит К. Маркса.

Однако нужно отметить, что такие концепции социального конфликта, как теории Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа, Л. Козера и других, вовсе не грешат односторонностью, ангажированностью и идеологизированностью, столь присущими построениям Маркса, и представляют собою современные исследования разнообразных и зачастую прямо противоположных функций социального конфликта.

Парадигма символического интеракционизма. Предыдущие две парадигмы относятся к уровню *макросоциологии*. Символический интеракционизм – это *микроуровневая* теория. Она представляет собою модель объяснения, которая воспринимает общество как продукт повседневного взаимодействия индивидов. Общество является общей, «совместной» реальностью, которую люди создают в ходе взаимного общения. Люди живут в мире символов и придают собственный смысл, значение и ценность всему окружающему миру, включая социальный. Следовательно, социальная реальность – это совокупность значений и смыслов, которыми мы наделяем свое окружение, действия, обязанности по отношению к другим людям и собственную самоидентичность.

[9] Необходимо также включить в число «отцов-основателей» данной парадигмы Питирима Сорокина.

Парадигма символического интеракционизма уходит корнями в идеи М. Вебера. Основателем собственно символического интеракционизма является Дж. Мид и его последователи – Г. Блумер, Г. Гарфинкель, Э. Гоффман, Дж. Хоманс, П. Блау и др. Однако, по мнению Масиониса, эта парадигма, фокусируя свое внимание на повседневных взаимодействиях людей (в этом состоит её огромная заслуга и гуманистическое значение), оставляет без должного внимания более крупные социальные структуры и факторы[10].

В заключение Масионис утверждает, что, поскольку каждая парадигма выделяет различные измерения социальных проблем, постольку наиболее полного социологического понимания удается добиться лишь с учетом всех трех парадигм.

Вопросы для самоконтроля

1. Перечислите основные значения понятия «анализ данных».
2. Каковы уровни анализа эмпирических данных?
3. Что такое «социологические данные»? Каковы их виды?
4. Назовите основные стадии социологического исследования.
5. Что представляет собою предмет курса «Анализ данных в социологии»?
6. Дайте определение понятия «социальный факт».
7. В чем заключается зависимость анализа эмпирических данных от социологических теорий и моделей объяснения?
8. Какие социологические парадигмы выделяет Дж. Ритцер?
9. Расскажите о концепции социологических парадигм Д. Масиониса.

---

[10] В своей книги Д. Масионис приводит прекрасный пример, иллюстрирующий, каким образом все три парадигмы интерпретируют и объясняют, исходя из своих собственных оснований, такой важный социальный феномен как *спорт* (*См.: Указ. соч.* – С. 47 – 50).

Глава II. Позитивистская (натуралистическая) модель объяснения

§ 1. Основные характеристики натуралистической парадигмы

Огюст Конт, основатель позитивизма и социологии как самостоятельной науки, в 1817 – 1824 гг. работал личным секретарем у известного социального философа Клода Анри де Сен-Симона. Именно у графа-социалиста (!) Конт заимствовал основополагающие идеи будущего социального учения. Мэтр выступал как «генератор идей»: он продуцировал огромное число насколько талантливых, настолько же логически несвязанных и разрозненных мыслей. Конт привел идеи «патрона» в систему, творчески развил их и на этой базе заложил основы новой науки – *социальной физики*. С тем чтобы его собственную социальную теорию не путали с чужими концепциями, Конт придумал для своего детища неологизм, слово-кентавр – *социология*.

В теории Конта уже были заложены те фундаментальные специфические интенции и установки, которые, первоначально сформировав образ «первого позитивизма», сохранились в своих существенных чертах и во «втором позитивизме» (эмпириокритицизме), и в третьем (неопозитивизме).

К числу базовых характеристик позитивистской модели объяснения можно отнести следующие:

1. *Сциентизм* и *сциентократический утопизм*: позитивная наука (естествознание, математика, технические прикладные науки), исследующая эмпирические каузальные (причинные) связи, является высшей ступенью в поэтапном развитии форм человеческого мышления и духа. В индустриальном обществе наука должна занять высшее положение среди всех «продуктов» разума, а именно – стать новой религией всего человечества. Более того – позитивное знание должно стать источником и движущей силой социальных преобразований, коренных изменений общества, приобретающих, однако,

форму исключительно социальной *эволюции*. Сущность оптимистической утопии точно выражает контовский афоризм: «Знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы мочь».

Само собой разумеется, что философия в такой ситуации полностью утрачивает свои функции *метафизики* и трансформируется в *методологию науки*. Таким образом, О. Конт принимал участие в создании парадоксального феномена – «антифилософской философии».

2. Абсолютизация естественных наук, безграничный гносеологический оптимизм и безусловная вера в могущество научных методов, столь присущие современникам и свидетелям беспрецедентной научно-промышленной и технической революции в первой половине XIX в., породили стойкое убеждение, что все существующие науки суть науки естественные. – Во всяком случае, с точки зрения применяемых *методов*.

Независимо от объекта и предмета исследования, все дисциплины должны использовать *естественно-научные методы*, предъявившие человечеству такой впечатляющий и неоспоримый научно-технический результат. Подобная сциентистская эйфория привела к закономерному выводу: не существует разделения методов на гуманитарные и естественно-научные; все науки пользуются единым позитивным (естественно-научным) методом. «Царство» человеческого духа не противостоит природе, но является ее (природы) составной частью. Эта позиция, устанавливающая единство методов социальных и естественных наук, именуется *«натурализмом»*. В более широком смысле слова натурализмом называется научная установка, рассматривающая общество, человека, культуру, т.е. гуманитарный мир в целом, как составную часть, принадлежность природы.

3. Еще одной характеристикой, прямо вытекающей из сциентистских установок первого позитивизма, является *эмпиризм* и, следовательно, *индуктивизм* и *феноменализм*.

Ориентация на опытное познание и знание привела к легитимизации одного лишь эмпирически верифицируемого (проверяемого) знания. Но коль скоро мы можем удостовериться в истинности нашего знания только путем непосредственного (в крайнем случае – опосредствованного) наблюдения, то, стало быть, мы можем изучать

одни лишь *феномены*. Наблюдая эмпирические факты (феномены), мы, следовательно, должны в науке отказаться от претензий ответить на вопрос *«почему?»* и сосредоточить свои познавательные усилия на вопросе *«как?»*. Это, в свою очередь, означает, что подробное *описание* в ходе научного исследования изучаемого феномена составляет главную задачу позитивной науки. Мы теперь не пытаемся познать *сущность* явлений, а довольствуемся тщательным и прагматически ориентированным *описанием феноменов*. Описание (наряду с наблюдением) приобретает статус основополагающего метода позитивных наук. Но поскольку здание науки должно строиться на совокупности бесчисленного количества отдельных эмпирических фактов, играющих роль фундамента, постольку любая сфера научного знания применяет *индуктивный способ построения*.

Все эти принципиальные установки социологии О. Конта сформировали определенную парадигму социологического знания и, как следствие, соответствующую модель анализа, понимания и объяснения эмпирических данных.

§ 2. Дедуктивно-номологическая модель объяснения К.Р. Поппера и К.Г. Гемпеля

Логико-философское обоснование метода объяснения в своей эксплицитной форме было предложено *Карлом Раймундом Поппером* в 1935 г. в немецком издании книги «Логика исследования» (второе, английское, издание – «Логика научного исследования», 1959 г.).

Согласно К. Попперу, эмпирические науки суть совокупность теорий, представляющих собою систематическое единство знаков или символов. Теории являются *сетями*, предназначенными улавливать то, что мы называем «миром», для осознания, объяснения и овладения им. При этом мы стремимся сделать ячейки сетей все более мелкими.

«Дать *причинное объяснение* некоторого события, – утверждает Поппер, – значит дедуцировать описывающее его высказывание, используя в качестве посылок один или *несколько универсальных законов* вместе с определенными сингулярными высказываниями – *начальными условиями*. Например, мы можем сказать, что мы дали

причинное объяснение разрыва некоторой нити, если мы нашли, что она имеет предел прочности 1 фунт и что к ней был подвешен груз весом в 2 фунта»[11]. Если мы проанализируем это причинное объяснение, то обнаружим его структуру, которая состоит из высказываний двух различных видов. Для полного каузального объяснения некоторого события необходимы: 1) *универсальные высказывания*, то есть гипотезы, носящие характер естественных законов, и 2) *сингулярные высказывания*, которые относятся только к специфическому обсуждаемому событию и которые называются «начальными условиями».

Универсальным высказыванием в нашем примере будет умозаключение: «Если превысить предел прочности, то нить разорвется». Сингулярными высказываниями (начальными условиями) в данном случае являются суждения: а) «Предел прочности нити составляет 1 фунт» и б) «Подвешенный груз обладает массой 2 фунта». Далее следует логическая дедукция, подтверждающая, что при таких начальных условиях и универсальном законе нить неизбежно разорвется. Такова простейшая структура дедуктивного причинного объяснения.

Через семь лет *Карл Гемпель* в статье «Функция общих законов в истории» (1942) обратился к проблеме причинного объяснения в исторических и социальных науках. Статья начинается с характерного позитивистского (натуралистического) *credo*: «Существует довольно распространенное убеждение, что история, в отличие от так называемых физических наук, занимается скорее описанием частных событий прошлого, чем поиском общих законов, которые могли бы этими событиями управлять. Это убеждение, вероятно, имеет силу, будучи характеристикой типа проблем, вызывающих основной интерес у некоторых историков. Но как определение теоретической функции общих законов в научном историческом исследовании оно, безусловно, неприемлемо. Ниже мы попытаемся обосновать эту позицию путем более или менее подробной демонстрации того, что общие законы имеют в целом аналогичные функции в истории и в естественных науках, что они

[11] Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 83.

являются обязательным инструментом исторического исследования и даже составляют общий базис различных процедур, которые обычно рассматриваются как характерные для социальных наук в противовес наукам естественным»[12].

В 1948 г. вышла уже совместная с П. Оппенхаймом статья «Исследования по логике объяснения». Здесь в теорию объяснения были внесены поправки и уточнения[13].

В целом дедуктивно-номологическая модель (или модель охватывающего закона) объяснения Поппера-Гемпеля выглядит таким образом: в основу модели (схемы) положены три основных тезиса:

1) объяснение и предсказание симметричны;

2) универсальные (общие, охватывающие) законы суть каузальные высказывания, т. е. описывающие причинную связь между событиями;

3) хорошее объяснение и в естественных, и в социальных науках соответствует трем нормативно-логическим критериям: а) *экспланандум* (то, что подлежит объяснению) может быть логически (дедуктивно) выведен из *экспланантов* (объясняющие высказывания; объяснение); б) в число экспланантов входит правдоподобный[14] общий закон (охватывающий класс явлений), из которого экспланандум выводится с логической необходимостью; в) эксплананты должны быть эмпирически проверяемыми (верифицируемыми).

В число *экспланантов*, таким образом, входят: 1) *общие* (охватывающие) *законы,* и 2) *посылки*, описывающие начальные условия (антецеденты) объясняемых событий. Далее следует логическая дедукция, приводящая с необходимостью к *экспланандуму* (консеквенту). Такая модель, по мысли Гемпеля, применима и в естествознании, и в социальных науках.

---

[12] Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории // Вопросы философии. – 1998. – № 10. – С. 88.

[13] Итогом работы К. Гемпеля над этой темой стала обширная обобщающая книга «Аспекты научного объяснения и другие очерки по философии науки» (1965).

[14] *Правдоподобным* (недемонстративным) в формальной логике называется умозаключение (в данном случае – закон), в котором правила вывода обеспечивают лишь *вероятное* следование заключения из посылок.

Однако антинатуралисты сразу же указали на то, что в социологии и истории используется модель теоретического объяснения, которая не может быть описана с позиций формально-логической схемы объяснения. Социологическая *модель рационального действия* объясняет поступки, поведение и социальные явления с точки зрения *мотивов* и *целей*, *ценностей* и *норм*, *убеждений* и *желаний* действующих индивидов.

В ответ на критику К. Гемпель утверждал, что само понятие «рациональности» (рационального действия) в социологии и истории является *нормативно-логическим*, т. е. указывающим лишь на степень соответствия действия требованиям некоторой нормативной системы. В качестве нормативной системы могут выступать мораль, закон, традиции, обычаи, этикет, институциональные нормы, правила расчета рентабельности и т. д. В таком случае объяснения действий как разумных или рациональных не являются *эмпирическими законами*. Понятие рациональности приобретает объяснительную силу, если оно является *диспозицией*, предрасположенностью субъекта поступать определенным образом. Если же рациональность является диспозицией, то она может быть включена в дедуктивно-номологическую модель. В таком случае адекватное объяснение рационального социального действия должно соответствовать логической *«схеме R»* в виде полисиллогизма:

(1) Деятель *A* находится в ситуации типа *C*.

(2) Деятель *A* является *рациональным* деятелем.

(3) В ситуации типа *C* любой рациональный актор совершает действие *X*.

Следовательно, актор *A* совершит действие *X*.

Как видно, *«схема R»* есть не что иное, как простой категорический силлогизм с отношением *транзитивности*.

Гемпелевская *«схема R»*, действительно, может объяснить какую-то часть субъективно мотивированных действий. Однако она грешит следующими недостатками:

1. Посылка (3), представляющая собою общий (охватывающий) закон, по определению подлежащий эмпирической проверке и являющийся по своей сути эмпирической генерализацией (обобщением), в действительности выводится из начальных условий (1) и

(2) чисто логически, т. е. является *аналитической истиной*, ничего нового не прибавляющей к уже известному, тривиальной и верной без всяких эмпирических доказательств в том случае, если посылки (1) и (2) верны.

2. Общий закон (3) будет неизменно меняться от ситуации к ситуации, от актора к актору. Иначе говоря, *общность* закона будет обратно пропорциональной его *правдоподобию*.

3. Схема К. Гемпеля применима лишь к ситуациям, когда критерий рациональности может быть задан *явно* и *однозначно*.

4. Даже в случае, когда критерий задан явно и однозначно, невозможно определить *объективный* (не зависящий от субъекта) критерий рациональности.

Следовательно, в простых и однозначно определенных случаях, о которых имеется полная исходная информация (начальные условия) и которые подчиняются универсальным (охватывающим) законам, дедуктивно-номологическая модель объяснения, безусловно, «работает». Однако при столкновении со сложными социальными ситуациями такой тип объяснения, уже в силу своей предельно рациональной структуры, не может «справиться» с подчас до конца нерационализируемым социальным явлением.

Схема объяснения Поппера-Гемпеля (как, собственно, все остальные натуралистические модели) отказывается и от рациональности, и от субъективности актора и объясняет по сути дела не действующих субъектов, а некие *объективированные действия* как таковые. Иначе говоря, натуралистическая схема – это модель абстрактной человеческой деятельности без действующего субъекта, ибо из нее исключены все субъективные мотивы поведения.

§ 3. Модели объяснения социального бихевиоризма

Один из основоположников американской бихевиористской психологии, *Э. Торндайк*, первым стал исследовать процессы научения у животных и в результате экспериментов пришел к следующим выводам:

1. Животные обучаются *методом проб и ошибок*: отбор целесообразных действий (аналог человеческих рациональных) происходит благодаря их *подкреплению*. Успешная реакция имеет большую вероятность последующего воспроизведения, т. е. успешное действие закрепляется. Этот феномен он назвал *«законом эффекта»*.

2. Если при одновременном воздействии нескольких раздражителей один вызывает реакцию, то другие приобретают способность вызывать ту же реакцию. Открытый механизм получил название *«закона ассоциативного сдвига»*.

Описанные механизмы формирования и изменения поведения в своих существенных чертах воспроизводили дарвиновскую эволюционную парадигму на индивидуальном (онтогенетическом) уровне. Исследования Торндайка оказали влияние на формирование исследовательской программы социального бихевиоризма.

Человеческое поведение, с точки зрения бихевиористов в социологии[15], можно оценить как носящее едва ли не случайный характер, по крайней мере, – в детском возрасте. Поведенческая реакция – позитивная, негативная или нейтральная – влияет на то, каким будет в дальнейшем поведение действующего субъекта. Если реакция была отрицательной, вряд ли аналогичное поведение еще раз повторится. Положительная реакция закрепляет действие. Последователи бихевиоризма в социологии изучают социальные действия через призму феноменов подкрепления (вознаграждения) и наказания (издержек).

Еще в 20-е гг. XX в. *Джон Уотсон* (кстати, бывший студент Джорджа Мида) сформулировал основные методологические принципы психологического бихевиоризма:

1. Психология должна изучать и объяснять поведение как совокупность наблюдаемых реакций, детерминированных внешней средой. Иначе: поведение описывается схемой: $S \rightarrow R$, где S – стимул, R – реакция. Такова суть *детерминистской теории действия*.

2. Использование объективного метода и объяснительных моделей *естественных* наук требует радикального отказа от менталистской (относящейся к сознанию) терминологии и от поиска «конечных (сущностных) причин» поведения в сознании субъекта.

3. Описание поведения должно быть «переведено» с языка гипотетических сущностей сознания на язык эмпирически наблюдаемых реакций и стимулов.

Таким образом, Д. Уотсон (будучи позитивистом в психологии) полностью изгнал из теории действия все ценности, мотивы, намерения, предпочтения, желания как движущие силы, субъективные смыслы поведения.

[15] Провести *четкое* разделение на психологический бихевиоризм и социологический чрезвычайно трудно, практически невозможно.

Бывший профессор Уотсона, *Джордж Мид*, называл подобный бихевиоризм *радикальным*, чтобы отличить от своего собственного – *социального*. Мид критиковал Уотсона за чрезмерно упрощенное представление о поведении и за изоляцию поведения от более широкого социального контекста. Свою теорию – символический интеракционизм – Мид однозначно ориентировал на исследование ментальных мотивов поведения, в основе которых те самые *attitudes* (установки), от которых отказался Уотсон: ценности, нормы, желания, экспектации, предпочтения, верования и пр. Мид, в отличие от своего бывшего студента, создавал *«волюнтаристскую» теорию действия*. Соответственно, в схеме субъективного человеческого действия появляется необходимое новое звено: $S \rightarrow A \rightarrow R$, где A – *attitudes*.

Во второй половине XX в. наибольшее влияние на формирование бихевиористских моделей объяснения оказал *Беррес Скиннер*. Он исходил из основополагающей мысли о том, что реальными объектами изучения социальных наук должны стать исходные условия (антецеденты) поведения, само поведение и его последствия. Основанием *оперантной* теории действия стала идея *«рекурсивной взаимообусловленности поведения и окружения»*. Ее суть: активные действия «организма» вызывают изменения «внешнего окружения». Далее происходит *«рекурсия»* (возвращение): измененное окружение оказывает обратное воздействие на «организм», увеличивая или уменьшая вероятность воспроизведения вызвавших эти изменения поведенческих реакций (*оперантов*).

В теории Скиннера из поля внимания также исключен действующий субъект со всеми его установками. Мы вновь встречаемся с «моделью действия без действующего субъекта».

Иную модель объяснения в рамках социального бихевиоризма предложил *Джордж Хоманс*. Для его концепции характерны: во-первых, приверженность концепции единству метода и дедуктивно-номологической модели объяснения; во-вторых, психологический редукционизм (сведение мотивов поведения к психическим причинам), чего он сам не скрывал; в-третьих, методологический индивидуализм (номинализм), характерный для микросоциологии. Индивидуальные поведенческие реакции, убежден Хоманс, являются универсальными психологическими посредниками между социальными фактами (понимаемыми в духе Э. Дюркгейма). Другими словами, процессы

обмена идентичны по своей форме на индивидуальном и социальном уровнях, хотя, конечно же, на социальном уровне способ формирования фундаментальных общественных процессов более сложен.

Хоманс обобщил концепцию подкрепления и распространил ее на взаимодействия «Личности» и «Другого»: участники интеракции «подкрепляют» друг друга не только материальными, но и социальными благами (похвалой, вниманием, престижем, услугами и т. д.). Поскольку такие понятия теории Хоманса, как *полезность*, *издержки*, *прибыль* и т. д., были взяты из экономической теории, то концепция получила название *«теория обмена»*. Рациональность поведения и Хомансом, и его последователями стала пониматься как *максимизация полезности* и *минимизация издержек*.

Фундамент теории обмена составляют постулаты (общие закономерности) социального поведения.

1. *Постулат успеха*: чем чаще какое-либо действие приводит к получению вознаграждения (т. е. одобряется), тем более вероятно, что человек вновь поступит так же.

2. *Постулат стимула*: если в прошлом какой-либо стимул (или их совокупность) был связан с вознаграждением поступка, то чем больше похожи на него другие стимулы, тем больше вероятность того, что человек в будущем вновь воспроизведет тот же или сходный поступок.

3. *Постулат ценности*: чем более ценным представляется человеку результат его действия, тем выше вероятность воспроизведения этого действия.

4. *Постулат лишения / пресыщения (насыщения / голодания)*: чем чаще в недавнем прошлом человек получал определенное вознаграждение, тем меньшую ценность представляет каждое последующее вознаграждение. Формулируя этот постулат, Хоманс определил еще два важных понятия – *«издержки»* и *«выгода»*.

Издержки любого поведения – те вознаграждения, которые не удается получить вследствие своего предшествующего поведения. *Выгода* – это превышение полученных вознаграждений над затратами (ценой), которые пришлось заплатить.

Эти понятия побудили Хоманса переформулировать постулат лишения / пресыщения, который стал выглядеть таким образом: чем большую выгоду получает человек от своего действия, тем больше вероятность, что он снова повторит это действие.

5. *Постулат агрессии / одобрения*. Эта закономерность имеет две формы: постулат *А* относится к негативным эмоциям; постулат *В* – к позитивным.

Постулат А: если действие человека не получает ожидаемого им вознаграждения или, напротив, вызывает неожиданное наказание, то этот человек испытывает чувство гнева; возрастает вероятность того, что он проявит агрессивное поведение, и результаты такого поведения будут иметь для него бóльшую ценность.

Постулат В: если действие человека ведет к ожидаемому вознаграждению, в особенности, бóльшему, чем он ожидал, или не приводит к ожидаемому наказанию, то субъект испытывает чувство удовольствия; возрастает вероятность того, что он вновь проявит одобряемое поведение, и результаты последнего будут иметь для него бóльшую ценность.

В литературе обычно указывают на эти пять базовых постулата, основанных на принципах бихевиоризма. Можно, кроме того, выделить шестой постулат, который стоит особняком, ибо он опирается на теорию рационального выбора.

6. *Постулат рациональности*: выбирая между альтернативными действиями, человек изберет то, которое обеспечит наивысшее значение величины, получаемой при умножении *ценности результата*, как она понимается в данный момент, на *вероятность его достижения*.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы базовые характеристики позитивистской (натуралистической) модели объяснения?

2. Что такое причинное объяснение в модели Поппера-Гемпеля?

3. В чем состоит сущность дедуктивно-номологической модели?

4. Что представляет собою *«схема R»*? В чем ее достоинства и недостатки?

5. К каким выводам пришел Э. Торндайк?

6. Каковы принципы бихевиоризма Д. Уотсона?

7. В чем выражается суть бихевиористской модели Б. Скиннера?

8. Каковы общие характеристики и постулаты обмена концепции Дж. Хоманса?

Глава III. Структурно-функциональный анализ

§ 1. Сущность функционального объяснения

Любое описание рационального действия неизбежно содержит в себе ссылку на цели, мотивы, субъективный смысл, определяемые «с точки зрения действующего лица». Однако если мы рассматриваем действия не отдельного актора либо группы, а целого социального института, то говорить в *прямом* смысле слова о «*цели»* или «*мотиве»* деятельности этого крупного структурного образования не вполне корректно. В этом случае мы будем исследовать не цели и мотивы института, а его *функции*. В сущности, *функция* любой масштабной социальной единицы, – будь то культура, институт или общество в целом, – представляет собою не что иное, как ту же самую *цель*, а именно – ту общественную цель (потребность), ради удовлетворения которой эта структура либо целенаправленно создана, либо стихийно сложилась. Иначе говоря, *функция* в этом смысле – это *цель предназначения*. Соответственно, функциональные объяснения направлены на проблемы «выживания», интеграции или воспроизводства социальной системы. Разъясняются также условия жизнедеятельности, адаптационные возможности, эволюционные изменения и другие процессы, происходящие внутри объясняемой системы.

Сказанное вовсе не означает, что функциональное объяснение пригодно лишь для сложных структур. Этот тип объяснения может применяться на микросоциальном или даже индивидуальном уровнях: например, в социальной психологии используются психоаналитические описания, опирающиеся на концепцию бессознательных мотивов, или латентных функций психики. Однако чаще функциональные объяснения встречаются все же при исследовании макроструктур.

Функциональные объяснения в социологии, таким образом, могут рассматриваться как разновидность *телеологических* объяснений, в которых события, действия, факты становятся понятны лишь через соотнесение с их последствиями.

В современной социологии под функционализмом, прежде всего, понимают *структурный функционализм*. Это направление рассматривает общество с точки зрения его социальной *структуры* и

присущих структурным элементам *функций*. Именно эти две методологические интенции и дали название данной социологической теории. Объяснить некоторое социальное явление – значит выявить его структуру и те функции, которые выполняют части системы.

Помимо структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона, выделяют и другие его типы: а) *индивидуальный функционализм*, характерный для культурной антропологии и ориентированный на анализ того, как социальные институты и локальные культуры удовлетворяют потребности индивида (Б. Малиновски); б) *межличностный (внутригрупповой) функционализм*, также присущий ранней культурной антропологии (А. Рэдклифф-Браун); это направление выявляет функциональность тех обычаев, традиций и других культурных норм, которые могли восприниматься как примитивные или пережиточные (с евроцентристской точки зрения); в) *социетальный функционализм* современных системных теоретиков (Н. Луман, Э. Гидденс, Э. Шилз, П. Штомпка и другие).

Функционализм часто критиковали за два основных недостатка, характерных для этого типа объяснения.

Во-первых, так называемая *«незаконная телеология»*: существование социальных институтов, культурных практик или структурных ограничений объясняется имеющимися целями и потребностями общества или группы без разъяснения того, каким образом, с помощью каких каузальных механизмов *социетальные цели* становятся *актуальными причинами* событий и явлений.

Во-вторых, *тавтология*, т. е. принцип истолкования, при котором социальное целое объясняется через его части, а сами структурные элементы (части) определяются через целое.

Надо признать, что эти недостатки из функционализма полностью не устранимы. Сущность функционального объяснения именно в том и состоит, что экспланандум выводится только из собственных функций-целей. Другими словами, либо нужно мириться с телеологией и тавтологией, либо функционализм попросту перестанет быть самим собой, и мы в таком случае потеряем эвристичную и полезную парадигму объяснения. Быть может, эти свойства сто́ит рассматривать не в качестве недостатков, а лишь специфических особенностей, которые присущи данному способу объяснения и на которые необходимо делать определенную «поправку».

§ 2. Т. Парсонс: структура социального действия

В 1937 г. *Толкотт Парсонс* издал книгу «Структура социального действия» и тем самым положил начало крупнейшему социологическому направлению – структурному функционализму. – Хотя, конечно же, американский социолог не был первым, кто разрабатывал в гуманитарных и социальных науках структурно-функциональную парадигму. Поскольку функционализм берет свое начало в *органицизме* и *«биологической метафоре»* общества (по крайней мере, в социальных науках), постольку к числу его «отцов-основателей» нужно отнести О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, крупнейших антропологов А.Р. Рэдклифф-Брауна и Б. Малиновски.

Для теории социального действия Т. Парсонса (на формирование которой, помимо вышеперечисленных прародителей структурного функционализма, большое влияние оказал *М. Вебер*) характерны, прежде всего: а) *нормативный рационализм*, т. е. стремление построить модель объяснения действия, которая в своей интерпретации опиралась бы на социальные нормы, ценности, установки, желания, убеждения и рассматривала их всех в качестве реальных причин действия; б) *логический функционализм*, иначе говоря – установка рассматривать *цели* индивидуальных (или институциональных) акторов как *логически необходимые* условия существования определенных средств действия (или – в более крупном масштабе – функций отдельных подсистем *системы действия*).

Основная задача, которую Парсонс ставил перед собою, – создать *общую* теорию действия. В этой общей концепции *социальное действие* должно было стать лишь одним из видов действия как такового. При этом Парсонс стремился пройти между Сциллой «субъективизма» и Харибдой «объективизма», т. е. между Вебером и Дюркгеймом. Если М. Вебера считали так называемым «индивидуалистом» и «субъективистом», который в социологии идет от индивида (социального действия) к обществу, то Э. Дюркгейма в той же степени полагали «холистом» и «объективистом», поскольку он двигался от общества (социального факта) к индивиду[16].

[16] Безусловно, такая характеристика содержит, одновременно, и упрощение, и абсолютизацию. Макс Вебер никогда не доходил до изучения социальных суперсистем (государства, классов, общества в целом), ибо считал, что все эти структуры суть абстракции, а реально существуют только человеческие действия, которые социология и должна изучать. Точно также, но только в противоположном направлении, Эмиль Дюркгейм не «спускался» по социальной лестнице до исследования индивидуальных действий, ибо полагал, что предмет исследования социологии – устойчивые и «стандартизированные» социальные факты.

Т. Парсонс замыслил «примирить» и объединить оба этих фундаментальных социологических подхода: с одной стороны («со стороны» Дюркгейма), общество (система) есть совокупность взаимосвязанных частей, не сводимых к простой их сумме. С другой стороны («со стороны» Вебера), индивиды действуют, руководствуясь ценностями, нормами, установками, убеждениями, и тем самым влияют на общество и трансформируют его[17]. В этом, последнем, случае важнейшим социальным процессом оказывается процедура *коммуникации* значений, символов, ценностей, норм, т. е. *социальной информации*. Построение функциональной теории социальной организации Парсонс (под влиянием Вебера) начинает с … «волюнтаристской теории действия». «Волюнтаристское» (волевое) действие есть субъективный процесс принятия решений актором. Однако решения частично принимаются под давлением *ситуационного окружения*.

Структура «волюнтаристского» действия состоит из: 1) *актора* (действующего индивида); 2) *цели*; 3) *средств достижения цели*; 4) *ситуационных условий*; 5) *ценностей*, *норм*, *идей*, *установок*, *социальных экспектаций*, оказывающих совместное влияние на индивида.

Далее возникает вопрос: как эти единичные действия связаны между собою? Что их интегрирует?

Функцию интеграции действий индивидов выполняет социальная система[18]. Каждой социальной системе и подсистеме с необходимостью присущ набор из четырех функций. Любая *функция* понимается Парсонсом как совокупность действий, направленных на удовлетворение потребностей системы.

---

[17] Сразу же можно отметить, что пройти между двумя «крайностями» Парсонсу не удалось: несмотря на свою приверженность к пониманию социальной системы как системы взаимодействия, Парсонс, по сути, не рассматривает взаимодействие в качестве фундаментального элемента изучения общества. Базовой единицей («первокирпичиком») системы он берет *статусно-ролевой комплекс*. Однако совокупный набор статусов и ролей не может быть взят как *фундаментальный* (первичный) элемент социальной системы, ибо по существу своему является *интегральной*, *комплексной*, – а, значит, *сложной*, – характеристикой личности. Таким образом, актор в системе Парсонса анализируется не с точки зрения его ценностей, норм, установок, мыслей и желаний, а всего лишь как взаимообусловленная совокупность статусов и ролей.

[18] Здесь я вынужден опустить концепцию социальной структуры из-за недостатка объема. Эта теория рассматривается в курсе «История социологии».

1. ***A**daptation* (адаптация) – система должна адаптироваться к внешней среде и приспособить, насколько возможно, внешнюю среду к своим потребностям.

2. ***G**oal Attainment* (целедостижение) – установление приоритета в системе целей и мобилизация ресурсов для их достижения.

3. ***I**ntegration* (интеграция) – координация взаимодействий элементов системы.

4. ***L**atency* (букв.: «скрытое состояние»; употребляется в смысле: «сохранение внутреннего (скрытого) образца», или, по-другому, латентность) – поддержка мотивации индивидов, необходимой системе; поддержание и воспроизводство социальных образцов; своего рода «социальный консерватизм».

По первой букве каждого слова, обозначающего функцию, набор получил сокращенное наименование *«схема **AGIL**»* (схема «эйджил»). Данная схема используется на всех стратификационных уровнях системы Парсонса.

Концепция «волюнтаристского» действия и функциональный набор, взятые в качестве методологических инструментов, позволяют эффективно анализировать эмпирические данные, ибо структурируют и унифицируют собранную информацию, производят группировку и классификацию, помогают выделить социальные типы и тем самым дают возможность понимать, объяснять и интерпретировать действия как индивидов и малых социальных групп, так и масштабных социальных образований. При этом анализироваться могут эмпирические данные любого типа социологического исследования. Однако бóльшую эффективность структурно-функциональная парадигма Парсонса проявляет все же при исследовании крупных единиц.

§ 3. Постулаты функционализма и их критика Р. Мертоном

Если Т. Парсонса можно охарактеризовать как важнейшего теоретика структурного функционализма, то его гарвардского студента *Роберта Мертона* – как автора важнейших формулировок структурного функционализма *в социологии*. Действительно, Парсонс создал, скорее, социально-философскую теорию, а Мертон «адаптировал» ее собственно к социологии.

Построение своей теории Р. Мертон начинает с критики предшествующих функционалистов, а именно – с представителей культурной антропологии А.Р. Рэдклифф-Брауна и Б. Малиновски, а также одного из своих учителей – Т. Парсонса. Знаменитые ученые, по мнению Мертона, в имплицитной форме выдвинули три основных постулата функционального анализа.

Постулат функционального единства общества был сформулирован Рэдклифф-Брауном: общество и его структура составляют интегрированное единство, которое можно назвать «функциональным единством». В таком состоянии все части социальной системы работают совместно с достаточной гармоничностью или внутренней согласованностью.

Мертон выдвинул следующие возражения против этого постулата: 1) структура и элементы общества могут быть *функциональными* для одних индивидов и социальных групп и *дисфункциональными* для других; 2) идеальной интеграции в обществе не существует; 3) вопрос о функциональном единстве общества необходимо в каждом конкретном случае исследовать *эмпирически*, а не постулировать его априорно; 4) данный тезис, возможно, справедлив в отношении небольших, примитивных обществ; такое же обобщение нельзя делать применительно к более крупным и сложным обществам; 5) необходимо учитывать существование и действие в социуме как *явных* функций, так и *латентных*.

Постулат универсального функционализма был выдвинут Малиновски: все стандартизированные социальные или культурные формы имеют некоторую жизненную (позитивную) функцию.

Мертон вновь возразил: не каждая структура, идея, обычай, убеждение и т. д. выполняет позитивную функцию. Неистовый национализм, к примеру, является крайне дисфункциональным. Кроме того, существуют так называемые «отжившие» функции, т. е. те, которые когда-то были жизненными и позитивными, а в настоящее время утратили свое значение, не оказывают влияния на общество и превратились, по сути, в сугубо символические институты, обычаи или традиции. Такие утратившие актуальность установления Мертон назвал *нонфункциями*.

Вопрос о том, являются ли последствия того или иного культурного явления *функциональными* либо *дисфункциональными* решается, по убеждению Мертона, не априорно, а эмпирически, в процессе исследования. Соотношение функций и дисфункций какого-либо социального факта или процесса социолог предлагает оценивать при помощи понятия *чистого баланса функциональных последствий*. – Поскольку каждая общественная форма или структура бывает и функциональной и дисфункциональной (одновременно!), то следует взвесить, какие именно последствия преобладают. Правда, нужно отметить, Мертон не разъясняет, каким же все-таки образом можно определить, *что́*, в конце концов «перевешивает»? Ведь оценка соотношения «плюсов» и «минусов» некоторого социального явления представляет собою сложнейшую проблему!

Постулат необходимости, обоснованный Малиновски, гласит: в любом типе цивилизации любой обычай, объект, идея или верование выполняют жизненную функцию и представляют собою *необходимую часть* внутри действующего целого. Короче: все жизненные функции необходимы. Или, наоборот, более развернуто: все стандартизированные аспекты общества не только выполняют позитивные функции, но также являются необходимыми элементами социального универсума. Стало быть, все ныне существующие структуры и функции необходимы для общества, а, значит, никакие другие структуры и функции не могли бы работать настолько же эффективно, как те, что обнаруживаются в настоящее время.

Мертон внес существенную поправку в это положение. – Во-первых, постулат является самым двусмысленным из всех: неясно, утверждает ли он необходимость *функции* или же *явления* (обычая, объекта, идеи, верования), которое выполняет эту функцию, либо же он утверждает необходимость и того и другого.

Во-вторых (и это – главное возражение), точно так же как одно и то же явление может иметь многочисленные функции, так и одна и та же функция может по-разному выполняться различными явлениями. Отсюда следует, что нужно говорить не о том, что существуют незаменимые функции, а, наоборот, о наличии в обществе *функциональных альтернатив* (функциональных эквивалентов, функциональных заменителей). В таком случае понятно, что в социуме также имеют место *альтернативные структуры*.

В итоге Мертон заключил, что все постулаты представляют собою *неэмпирические* утверждения (как, собственно, им и положено по определению), основанные на абстрактно-теоретических доктринах. Это – безусловный минус для социологии. Вполне очевидно, что любое эмпирическое суждение или объяснение так или иначе опираются на теорию. Однако, считает Мертон, обязанность социолога состоит в том, чтобы осуществить *эмпирическую* проверку своих теоретических положений.

Результатом критического анализа предшественников стало выдвижение Мертоном основоположения о *теориях «среднего уровня»*. Такая теория является основным инструментом анализа социальной эмпирической действительности. Теории среднего уровня опираются на эмпирические исследования и в то же время используют понятия, теоретическую конструкцию. Подобное соединение эмпирического и теоретического дает, с одной стороны, то, что понятия теории становятся методологически организованными и менее абстрактными, а с другой – конкретные исследования находят опору в фундаментальных теоретических положениях и, следовательно, собранные эмпирические факты наконец-то обретают возможность *понимания* и *объяснения*.

Большая совокупность теорий среднего уровня в итоге может составить всеобъемлющую теорию общества. Но никак не наоборот. – Подход Парсонса, – когда тот начинает построение социологической теории с постулатов предельной общности и в итоге получает, по мнению Мертона, не социологическую, а абстрактную социально-философскую теорию, – такой подход не может быть одобрен. Только тогда, когда основополагающая работа по созданию как можно большего числа теорий среднего уровня будет закончена, можно будет воспользоваться правилами функционального анализа и создать обобщенные социологические теории.

§ 4. Парадигма функционального анализа

По справедливому замечанию Р. Мертона, функционализм не является абсолютно новой концепцией и не ограничивается общественными науками, а распространяется на все науки о человеке: биологию, физиологию, психологию, экономику, юриспруденцию, антропологию, социологию и т. д.

Однако, если, скажем, в физиологии функциональный метод представляет собою операциональную рациональную процедуру исследования, т. е. некоторую общепринятую совокупность стандартных понятий, методик и схем, то в социологии мы наталкиваемся на конгломерат понятий, методик и схем, полностью зависящих от интересов и вкусов отдельных социологов.

Полностью изменить подобную ситуацию в социологии призвана *парадигма функционального анализа* – модель постановки проблем и их изучения, а также анализа, понимания, интерпретации и объяснения фактов социальной жизни. Парадигма не представляет собою ряд категорий, которые вводятся *заново*. Это, скорее, *кодификация* тех проблем и понятий, которые предстают перед нами в ходе социологического анализа.

Цель такой парадигмы – дать руководство для адекватного и плодотворного применения функционального метода. Кроме того, эта модель должна подводить непосредственно к постулатам (часто молчаливо принимаемым) и предположениям, лежащим в основе функционального анализа. Наконец, предлагаемая конструкция должна способствовать тому, чтобы социолог воспринимал не только сугубо научные аспекты анализа, но и учитывал политические, а иногда идеологические следствия социальных действий и явлений. Соответственно, парадигма включает в себя понятия, правила и этапы анализа. В схеме они собраны вместе в компактной форме, что позволяет одновременно рассматривать основные требования функционального анализа и помогает исследователю вносить коррективы в выдвигаемые им интерпретации, чего трудно достичь, когда понятия разбросаны и скрыты в длинных рассуждениях. Данная парадигма дает основное ядро понятий, методик и выводов функционального метода.

Парадигму Мертона можно условно разделить на ту часть, где кодифицированы *понятия*, и ту, где описываются *процедуры*.

Основные понятия функционального анализа

1. *Явление (-я), которому приписываются функции*. Основное требование состоит в том, чтобы объект анализа представлял собою *стандартизированное* (т. е. типизированное, повторяющееся, устойчивое) явление, такое, как социальные роли, институциональ-

ные типы, социальные процессы, культурные стандарты, эмоциональные реакции (выраженные в соответствии с нормами данной культуры), социальные нормы, общественные структуры, средства контроля и т. д. Основной вопрос при этом: что должно входить в исследование в качестве объекта, если он должен быть подвергнут систематическому анализу?

2. *Понятия субъективных предпосылок (мотивы, цели)*. Понятия *субъективных склонностей* зачастую ошибочно отождествляют со связанными с ними, но отличающимися от них понятиями *объективных последствий* какого-либо действия, поведения, процесса, убеждения, мнения, верования и т. д. Основной вопрос, возникающий при анализе этих понятий: в каких типах исследования достаточно брать наблюдаемые мотивации как *первичные факты*, как *данное*, а в каких следует их рассматривать как *проблематичные*, *производные* от других, скрытых, данных?

3. *Понятия объективных последствий (функции, дисфункции)*. В употреблении понятия «функция» существуют два типа неточностей: а) ограничение социологического наблюдения лишь одними *позитивными* последствиями некоторого социального явления; б) тенденция путать субъективную категорию *мотива* с объективной категорией *функции*. Поэтому здесь необходимо разъяснение.

Функции суть наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации системы либо имеют какое-либо другое *позитивное* значение для субъекта действия.

Дисфункции – наблюдаемые последствия, которые уменьшают степень приспособления системы либо несут в себе иное *негативное* значение для актора (кем бы он ни был – индивидом или сложной структурой).

Что касается неточного употребления понятий мотивов и функций, то эту проблему можно решить, если ввести новые эвристичные понятия *явных* и *латентных* функций.

Явные функции суть те объективные последствия, которые вносят вклад в адаптацию системы и *входили в намерения* и *осознавались* участниками системы. Иначе говоря, они имеют *намеренный* характер.

Латентные функции, соответственно, – те объективные последствия, которые *в намерения не входили* и *не осознавались* в качестве последствий.

Необходимо отметить, что у Мертона встречается и второй смысл, вкладываемый в эти понятия: под *явными функциями* понимаются видимые, поверхностные последствия; под *латентными* – сущностные, но скрытые. Эту двусмысленность необходимо учитывать при чтении работ Мертона.

Латентные функции не нужно путать с *непредвиденными последствиями*, которые надо понимать как *латентные дисфункции* или же *нонфункции* (функции, утратившие актуальность и утерявшие значение).

Разграничение явных и латентных функций позволяет понять стандарты социального поведения, которые на первый взгляд кажутся *иррациональными*. Это различение делает возможной социологическую интерпретацию многих видов социальных действий, которые продолжают существовать даже тогда, когда явно поставленные перед ними цели никак не осуществляются. Издавна в таких случаях различные наблюдатели, в особенности неспециалисты, называют эти действия «предрассудками», «иррациональностями», «простой инерцией традиции» и т. д. Другими словами, когда поведение группы не достигает и часто не может достичь сознательно поставленной цели, существует склонность приписывать такое поведение недостатку внимания или рациональности, невежеству или отсталости, пережиткам или инерции.

Основной вопрос: каковы результаты превращения ранее скрытых функций в явные функции (включая проблему роли знания в человеческом поведении и проблемы манипуляции поведением)?

4. *Понятие социальной единицы, обслуживаемой функцией*. Поскольку последствия могут быть функциональными для одних индивидов (структур) и дисфункциональными для других, постольку необходимо четко выделять некоторую совокупность единиц, для которой явление имеет предназначенные последствия.

Основной вопрос: какой именно социальной единице принадлежит данная функция?

5. *Понятие функциональных требований (потребности, предпосылки существования)*. Это понятие является самым нестрогим, ибо определить эмпирическим путем условия существования системы чрезвычайно сложно.

Основной вопрос: что необходимо для установления легитимного применения такой переменной, как «функциональное требование», в ситуации, где невозможно строгое экспериментирование?

6. *Понятие механизмов, через которые выполняются функции*. В данном случае необходимо исследовать социальные механизмы (разделение по ролям, обособление институциональных требований, иерархическое расположение ценностей, социальное разделение труда, ритуалы и церемонии и т. д.). Основной вопрос: имеется ли в нашем распоряжении полный перечень социальных механизмов, аналогичный, допустим, перечню психологических механизмов? Каковы методологические проблемы, связанные с различением действий этих социальных механизмов?

7. *Понятие функциональных альтернатив (функциональных эквивалентов, или заменителей)*. Критический анализ постулата необходимости позволил сделать вывод о существовании функциональных альтернатив. Однако возникает проблема определения *диапазона (интервала) изменчивости*, оставаясь в котором они могут выполнять определенную функцию.

Основной вопрос: поскольку научное доказательство эквивалентности предполагаемых функциональных альтернатив требует в идеальном случае строго поставленного эксперимента (а это крайне проблематично), то какие практические методики исследования смогли бы наиболее полно заменить логику эксперимента?

8. *Понятие структурного контекста (понятие ограничивающего влияния структуры)*. Диапазон вариаций в явлениях, при которых они могут выполнять соответствующие функции в социальной структуре, не является беспредельным. Взаимозависимость элементов социальной структуры ограничивает фактические возможности изменений, или функциональных альтернатив. Другими словами, какие-то изменения структура способна принять без ущерба для себя, а какие-то не в состоянии допустить без деструктивных последствий для собственного существования. Это ограничивающее влияние (т. е. неприемлемость изменений) и называется структурным контекстом.

Основной вопрос: насколько данный структурный контекст ограничивает диапазон вариаций явления, в котором они могут эффективно удовлетворять функциональные требования?

9. *Понятие динамики и изменения*. Функциональный анализ (в частности Т. Парсонса) имеет тенденцию сосредоточивать внимание на *статике* социальной структуры и пренебрегать изучением структурных *изменений*. Такое акцентирование статики не является правомерным. Понятие дисфункции, которое связано с социальным напряжением, принуждением, давлением на структурном уровне, предоставляет аналитический метод изучения динамики и изменений. Основной вопрос: какие методики позволяют более точно определить накопление напряжений и деформаций в социальной системе? В какой мере знание структурного контекста делает возможным предвидение наиболее вероятных направлений социальных изменений?

10. *Проблемы, связанные с установлением достоверности положений функционального анализа*. Установление истинности тех или иных положений теории требует, прежде всего, разработки строгих методик анализа, приближающихся, насколько это возможно, к логике экспериментального исследования.

Основной вопрос: в какой степени функциональный анализ ограничен трудностью определения адекватных выборок социальных систем, которые могут быть подвергнуты сравнительному изучению? Иначе: является ли тот фрагмент социальной действительности, который мы изучаем, репрезентативным?

11. *Проблемы идеологического значения функционального анализа*. Суть этой проблемы выражается в следующем вопросе: в какой степени позиция социолога (т. е. его отношение к заказчику, финансирующему исследование) повлияла на саму постановку проблемы, на его предположения и понятия, заставила его игнорировать возможные выводы из находящихся в его распоряжении данных?

Основной вопрос: как определить идеологическую окраску функционального анализа и в какой мере некоторая специфическая идеология связана с основными положениями, принимаемыми социологом?

Проблема, указанная Мертоном, является предостережением от ангажированности всем социологам. В то же время, поднятые вопросы напоминают о том, что при ознакомлении с результатами социологического исследования может понадобиться определенная «поправка» на идеологические убеждения социолога.

Итак, основные понятия функционального анализа изложены. Возникает вопрос: каким образом эта парадигма может быть использована? – Это вопрос о функциональных процедурах.

Этапы и процедуры функционального анализа

1. Исходным пунктом функционального анализа является *«полное описание»* деятельности индивидов, групп и структур, подлежащих изучению. Уже *простое* описание какого-либо факта, действия или процесса дает основную *идею функции*, выполняемой данным явлением. Структурное описание участников анализируемой деятельности позволяет сформулировать *гипотезу* для последующей функциональной интерпретации.

2. Далее следует указать, какие именно *функциональные альтернативы* исключаются из-за ограничивающего влияния структурного контекста. В его качестве могут выступать социальные нормы и стандарты, установки и экспектации, а также ситуационное окружение исследуемого феномена. Например, указывает Мертон, подчеркивание значения одного стандарта выбора партнера по браку исключает тем самым другие известные стандарты выбора.

3. Следующая ступень анализа заключается в том, что описание должно включать *«значение»* исследуемой деятельности или стандарта поведения для членов группы. Иначе говоря, необходимо выяснить, *насколько важен* для индивидов данный вид деятельности или социального образца (стандарта). Описывая «значения» (значимость, к примеру, определенного поведения), можно выяснить *мотивы*, лежащие в основе той или иной деятельности и тем самым пролить свет на *явные функции*, выполняемые благодаря этой деятельности.

4. На этом этапе следует сформировать некоторую совокупность мотивов действующих лиц. При этом нужно учитывать мотивы не только конформного поведения, но и девиантного. Но эти мотивы не должны смешиваться ни с объективными стандартами поведения, ни с социальными функциями этих стандартов. Включение мотивов в описание явлений помогает объяснить *психологические* функции, выполняемые данным стандартом поведения, и часто дает ключ к пониманию его *социальных* функций. Другими словами, поняв мотивы, управляющие конформизмом или отклонениями

акторов, можно понять и оценить психологические «потребности», которые удовлетворяет (или не удовлетворяет) данный стандарт, что в свою очередь обеспечивает дополнительную возможность понять разнообразные функции исследуемого стандарта (образца).

5. Функциональный анализ должен включать в себя те закономерности «неосновного» поведения, которое сопутствует главной деятельности. Эти *непроизвольно проявляющиеся закономерности* часто дают нам ключ к специфическим функциям всего стандарта. Такого рода закономерности не осознаются акторами, но тем не менее, связаны с главным стандартом поведения. Именно через их изучение анализ будет нацелен на экспликацию латентных функций исследуемого явления.

Парадигма Роберта Мертона представляет собою компактное руководство для проведения исследований в области функционального анализа. Однако, будучи созданной в рамках структурного функционализма, эта схема оказалась эффективной и в других социологических направлениях, ибо является достаточно универсальным алгоритмом анализа эмпирических данных. Более того, мертоновскую парадигму вполне можно назвать одним из образцов социологического анализа как такового. Следовательно, доскональное знание функциональной парадигмы, безусловно, необходимо для любого социолога, имеющего намерение осуществить анализ эмпирической информации, понять и интерпретировать ее.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем сущность функционального объяснения?
2. Какие существуют типы функционализма?
3. Каковы «родовые» недостатки функционального объяснения?
4. Дайте общую характеристику теории социального действия Т. Парсонса.
5. Раскройте сущность теории волюнтаристского действия.
6. В чем состоит сущность и какова роль «схемы AGIL» в социологии Т. Парсонса?
7. За что Р. Мертон критикует постулат функционального единства и какие контраргументы выдвигает?

8. В чем смысл критики Р. Мертоном постулата универсального функционализма?
9. Какие недостатки постулата необходимости критикует Р. Мертон?
10. Раскройте сущность и значение для мировой социологии обоснование Р. Мертоном теорий среднего уровня.
11. Что представляет собою парадигма функционального анализа Р. Мертона?
12. В чем сущность понятий функций, дисфункций, явных и латентных функций? Какова их роль в процессе анализа эмпирических данных?
13. Назовите основные понятия функционального анализа. Какова роль этих понятий в анализе данных?
14. Каковы этапы и процедуры функционального анализа?
15. Раскройте значение парадигмы функционального анализа для анализа и интерпретации эмпирических данных.

Глава IV. Интерпретативная парадигма анализа и понимания данных

§ 1. Единство интерпретативных моделей

Вся совокупность интерпретативных моделей понимания и объяснения имеет своим источником идеи описательной психологии, герменевтики и исторического познания В. Дильтея, концепции «наук о культуре» баденского неокантианства, «понимающую» социологию М. Вебера и Г. Зиммеля, феноменологию Э. Гуссерля и А. Шюца, практики этнографического исследования в культурной антропологии, символический интеракционизм.

Несмотря на отличие в интеллектуальных корнях, интерпретативная традиция сохраняет некоторое фундаментальное единство, позволяющее рассматривать различные модели как принадлежащие общей исследовательской стратегии. Каковы общие и единые характеристики «понимающей» парадигмы?

Во-первых, сторонники этой исследовательской программы отрицают тезис о единстве метода для гуманитарных (социальных) и естественных наук. Все они, по сути, придерживаются неокантианского взгляда: естественные науки (или науки о природе) используют метод *каузального объяснения*, а гуманитарные науки (или науки о культуре) – метод *телеологического понимания*[19].

Во-вторых, в социальных и гуманитарных науках следует использовать особый тип объяснения, нежели в естественных науках, ибо первые исследуют уникальный объект – людей. Правильнее сказать: исследуют не объект, а субъект-объект, поскольку из социального действия никаким образом нельзя исключить мысли актора, его чувства, желания, ожидания, стремления, предпочтения – словом, установки (*attitudes*). Именно они как раз и составляют тот *субъективный смысл* и *цели*, которые должен выяснить (понять) социолог.

---

[19] Каузальное (причинное) объяснение есть экспликация причинно-следственных связей изучаемых явлений. Телеологическое (целеполагающее) понимание представляет собою установление субъективного смысла и цели социального действия. При этом субъективный смысл, в данном случае, определяется как смысл, вкладываемый самим индивидом в свое собственное действие.

Второй тип наук имеет дело либо с неодушевленными объектами, либо с живыми существами. Но даже если живые объекты и обладают психикой, она не идет по своей сложности и уровню развития ни в какое сравнение с человеческой.

Стало быть, социальные науки используют семантическое (смысловое) объяснение, которое *«понятно»*, а естественные – научное объяснение, которое *«истинно»*.

В-третьих, развивая предыдущую характеристику, нужно сказать, что *семантическое* понимание носит *договорной* (*конвенциональный*) характер: коммуникаторы (т. е. объясняющий и слушающий индивиды) должны придти к согласованной трактовке действия (поступка). Цель семантического объяснения – достичь *понятного* высказывания.

Научное объяснение ориентировано не на конкретного слушателя, а на объективные (внеличностные) стандарты логического вывода, объективные стандарты рациональности, признанные и «узаконенные» в данное время в науке. Соответственно, любой человек, принимающий эти стандарты, с необходимостью поймет подобное объяснение. Ибо цель научного объяснения – достичь *истинного* высказывания (разумеется, с точки зрения существующих в определенный исторический период *критериев истинности*).

Подобно тому, как в естественных науках объяснение должно соотноситься с интерсубъективными стандартами рациональности, так и в науках о культуре должны присутствовать аналогичные условия возможности понимания. К числу таких условий нужно причислить помещение изучаемой ситуации в исторический и социальный контексты, знание «ситуационного окружения» исследуемого действия, знакомство с неявными правилами и нормами, умение «читать» культурные коды и символы и т. д. Иначе говоря, необходимо постоянно решать своеобразную проблему «герменевтического круга», когда целое мы можем понять только через знание его частей, а части – исключительно через осмысление целого.

Рассмотреть даже самые значимые из интерпретативных моделей в рамках учебного пособия не представляется возможным. Поэтому наиболее оптимальным вариантом будет обращение не просто к интерпретативной, а *парадигмально* интерпретативной модели понимания и объяснения, т. е. такой, которая «задает» образец и основные стандарты для всего «семейства» исследовательских стратегий. Именно такой «моделью-прародительницей» является социологическая методология М. Вебера.

§ 2. Постановка проблемы понимания и объяснения в методологии М. Вебера

Понимающая социология рассматривает индивида и его действие как базовую единицу анализа, как «атом». Актор представляет собою «последний предел» социального действия, единственного носителя осмысленного поведения. Такие общие понятия, как «государство», «религия», «феодализм» и им подобные, обозначают определенные категории совокупного человеческого взаимодействия. Поэтому задача социологии состоит в том, чтобы свести эти понятия к «осознанным» (целерациональным) действиям, или к действиям участвующих в них индивидов. Таким образом, предмет социологии есть социальное действие, неразрывно связанное с субъективно подразумеваемым смыслом.

Чем бóльшее значение имеет социальная проблема, утверждает М. Вебер, тем менее она доступна однозначному решению на материале опытного знания, тем бóльшую роль играют сугубо личные аксиомы веры и ценностных идей. Некоторые наивные ученые верят, что задача социологии состоит в разработке некоторого общего «принципа», на основании которого можно будет вывести однозначные нормы для решения конкретных социальных проблем. Другие полагают, что социальная наука должна создать некий «общий знаменатель» в виде «общезначимых последних идеалов» (нечто вроде «охватывающего закона» К. Гемпеля). Однако с научной объективностью все эти предложения ничего общего не имеют, ибо так называемая «средняя линия» ничем не лучше «крайностей».

Отправным пунктом в области социальных наук является *действительная*, т. е. *индивидуальная*, структура окружающей нас социокультурной жизни в ее универсальной, но не теряющей индивидуальности, связи. Нам необходимо понять окружающую нас действительную жизнь в ее своеобразии, а также причины того, что они исторически сложились именно так, а не иначе. В социальных науках исследуются *духовные* процессы, смысл которых нужно понять в сопереживании. Эта задача – совсем иная, нежели в естествознании. Знание *законов причинной обусловленности* – к чему стремятся естественные науки – не может быть в социологии *целью*, но только *средством* познания. – Ибо, во-первых, знание со-

циальных законов не есть знание социальной действительности и, во-вторых, познание социальных процессов возможно только в том случае, если оно (познание) исходит из *значения* (ценности), которое для нас имеет действительная социальная жизнь.

Социальные факты (действия, идеи, верования, мнения, убеждения и т. д.), которые Э. Дюркгейм полагал предметом социологии, ни в каком смысле *не могут* рассматриваться как *вещи*, ибо вещами не являются. Именно такой «невещный» характер сущности социально-исторической жизни определяет в методологии М. Вебера специфику социологических исследовательских процедур. *Закономерность* социально-исторических процессов (если о ней вообще можно говорить) существенным образом отличается от закономерности природных процессов. В природе действует принцип *механической причинности*, тогда как в обществе – принцип *телеологии* (целеполагания). Такое положение складывается потому, что действия людей не могут быть поняты без учета их субъективно вкладываемого в действия смысла и целей.

Если в естественных науках важность и ценность законов прямо пропорциональны степени их общезначимости, то для познания социальных явлений в их конкретных условиях *наиболее общие законы*, которые в наибольшей же степени лишены индивидуального содержания, обладают *наименьшей* ценностью. Исследователь в естественных науках, прежде всего, проявляет интерес к тем аспектам природных явлений, которые можно *объяснить* и сформулировать на языке абстрактных *общих законов*. Социальный ученый, напротив, заинтересован, главным образом, в экспликации индивидуальных специфических особенностей действующих индивидов. Это вовсе не означает, что социолог избегает формулировок некоторых общественных закономерностей или фиксации устойчивых, стандартизированных типов социального поведения и действия.

Знание *общего* (т. е. законов) никогда не бывает в социологии безотносительно ценным. Такое знание имеет оправдание, но только как промежуточная цель, как средство, поскольку законы не дают главного – *понимания*. В целом, в науках о культуре познание *общего* никогда не бывает ценным как таковое. «Объективность» исследования социальных явлений не может, следовательно, заключаться в сведéнии эмпирических связей к общим законам. Поскольку воз-

можность изучения социальной действительности зависит от той *значимости*, которую имеет реальность для нас, постольку и общественная жизнь в целом, и культура представляют собою тот самый фрагмент лишенной смысла мировой бесконечности, который (с нашей точки зрения) обладает смыслом и ценностью *для нас*.

Данное основоположение является основой *интерсубъективности* («одиноковопонимаемости»), т. е. позволяет разным людям примерно одинаково понимать окружающий мир. – Ибо, согласно М. Веберу, *трансцендентальная предпосылка всех наук о культуре* состоит вовсе не в том, что мы считаем определенную культуру ценной, а в том, что мы сами являемся людьми этой культуры, что мы обладаем способностью, свободой и волей, которые позволяют нам *сознательно* занять определенную позицию по отношению к социальному (и не только) миру и придать ему *смысл*. Каким бы этот смысл ни был, он станет основой наших отношений и суждений о различных социальных явлениях. Каким бы ни было содержание этих отношений, все рассматриваемые явления будут иметь для нас социологическую *ценность* (значение).

При этом само понятие «ценность» не нужно понимать как какое-то *положительное* социальное качество. *Ценностью* обладают все без исключения общественно *значимые*, *важные* процессы и явления. В этом смысле, по утверждению Вебера, проституция, как социальное явление, для социолога ничуть не менее *ценна* (важна́), нежели религия или деньги.

Цель социологии – понимание социальных действий – может быть достигнута только в том случае, если мы предварительно уясним для себя важнейшие методологические вопросы: каковы логическая функция и структура *понятий*, которыми пользуется социальная наука? каково значение *теории* и образования теоретических понятий для познания социальной действительности? Отсутствие теоретической рефлексии в социологии (как, собственно, и в любой другой науке), неразработанность теоретического инструментария, которым социолог пользуется в своей практике, не позволит, в конце концов, систематически исследовать социальную реальность. Таким образом, *тематизация* методов, теоретических моделей и понятий, применяемых при изучении социума, есть необходимая процедура для любого методологически грамотного социолога.

§ 3. Социальное действие и генетическая проблема «идеального типа»

Социология, по определению М. Вебера, есть наука, стремящаяся, истолковывая, *понять* социальное действие и тем самым каузально (причинно) объяснить его процесс и воздействие.

Социальным действием называется такое действие, которое обладает двумя обязательными, неотъемлемыми характеристиками: во-первых, оно имеет *субъективный смысл*[20] и, во-вторых, по предполагаемому действующим лицом (лицами) смыслом всегда *соотносится с действиями других людей и ориентируется на них*.

Вполне понятно, что в реальной жизни люди далеко не всегда ведут себя осмысленно, рационально. Порой человеческое поведение очень трудно объяснить с точки зрения рациональных мотивов. Однако *осмысленность* и *рациональность* изучаемых социальных действий суть необходимые социологические *допущения*, *идеализации*, теоретические *предпосылки*, которые делает исследователь. В противном случае, без такого допущения, социальные действия вряд ли можно понять. Иначе говоря, исходную установку М. Вебера при изучении социальных действий можно выразить таким образом: человек сам знает, чего он хочет; и совершает именно то, что хочет. В действительности нередко все может происходить прямо противоположным образом: человек толком не знает, чего он хочет, а делает вообще не то, чего он толком-то и не знает.

Социальное действие является, таким образом, центральной, конститутивной проблемой социологии[21]. Для изучения социальных действий Вебер применяет специально созданный идеализированный объект – *«идеальный тип»*.

---

[20] Понятие «смысл» имеет два значения: а) смысл, действительно субъективно предполагаемый действующим лицом, т. е. смысл, который сам индивид вкладывает в свое действие; б) теоретически конструированный *чистый* смысл, субъективно предполагаемый *гипотетическим* действующим лицом (лицами) в данной ситуации; это, стало быть, смысл, который приписывается изучаемым акторам социологом-исследователем.

[21] В своей «понимающей» социологии М. Вебер выделяет четыре типа социального действия: 1) *целерациональное*, 2) *ценностно-рациональное*, 3) *аффективное*, 4) *традиционное*, из которых два последних не в полной мере являются именно социальными, поскольку в них «ослаблена» какая-то из двух обязательных характеристик.

Идеальный тип – это мысленная конструкция, образ. В реальной действительности он в своей понятийной чистоте не обнаруживается. Именно поэтому с точки зрения своего содержания данная конструкция носит характер *утопии*. – Ибо получен он путем мысленной идеализации («усиления»), абстрагирования определенных элементов действительности, важных, значимых для нашего исследования. Подчеркивая эту значимость для конкретного изучения, Вебер называет идеальный тип «интересом эпохи».

Отношение идеального типа к эмпирически данным фактам действительной жизни состоит в следующем. Возьмем, к примеру, идеальный тип *«рынок»*. В тех случаях, когда абстрактно представленные в названной конструкции связи, то есть процессы, имеющие отношение к «рынку», в какой-то степени выявляются или предполагаются *в действительности* как значимые, мы можем, сопоставляя их с *идеальным типом*, показать и пояснить однородность, значимость и своеобразие этих связей. Иначе говоря, сравнивая эмпирические данные, полученные в ходе социологического исследования, с идеальным типом, мы, во-первых, отбираем те факты, которые имеют отношение к «рынку» (не имеющие отношения – отбрасываем), и, во-вторых, среди уже отобранных фактов, имеющих отношение к «рынку», выбираем важные, существенные и значимые (несущественные и случайные – отбрасываем).

В социологическом исследовании *идеально-типическое понятие* («идеальный тип») есть средство для вынесения правильного суждения о каузальной взаимозависимости элементов эмпирической действительности. Однако при этом идеальный тип – не гипотеза; он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез.

Нужно подчеркнуть, что идеальный тип не носит характер какого-либо *долженствования* или «образца». Речь идет о конструировании связей реальной действительности, которые представляются нашему *воображению* достаточно значимыми, мотивированными и, следовательно, необходимыми, «объективно возможными», а нашему познанию – *адекватными*. Идеальный тип есть попытка охватить социальные или исторические факты *чистыми* (в социологии) или *генетическими* (в истории) понятиями. Таковы понятия «капитализм», «рынок», «ремесло», «средневековое городское хозяйство», «эконо-

мический обмен», «церковь», «дух капитализма», «секта», «индивидуализм», «меркантилизм», «целерациональное социальное действие», «христианство», «протестантизм», «рациональность», «этика братской любви» и многие другие – все не перечислить.

Таким образом, *идеальный тип* – это *социологическое понятие*, которое призвано: 1) *отсортировать* (отобрать нужное, отбросить ненужное), 2) *унифицировать*, *упорядочить* (свести воедино, привести к общему «знаменателю»), 3) *классифицировать*, т. е. *определить значимость* того эмпирического материала, который получен с помощью всевозможных способов и методов конкретного социологического исследования. Идеальный тип, стало быть, есть *средство*, а не *цель* познания. Его задача – не только *конструировать* (реконструировать) поведение людей, но, – главное, – *понять* его.

Возникает, однако, генетическая проблема: каково *происхождение* идеального типа? Представляет ли он собою *эмпирическое обобщение*, или же идеальный тип есть *априорная конструкция*? Первоначальный ответ М. Вебера: идеальный тип не извлекается из эмпирической реальности, а, значит, обладает априорным характером. Позже Вебер был вынужден разделить все идеальные типы (в зависимости от их происхождения) на две категории: 1) *генетический* (*исторический*) идеальный тип: извлекается из эмпирической реальности с помощью *обобщения* (*абстрагирования*) и, следовательно, локализован в пространстве и времени (характерный пример: «средневековое городское хозяйство»: может быть использован при изучении *только* Средних веков (временна́я локализация) и *только* городского хозяйства (пространственная локализация)); 2) *чистый* (*социологический*) идеальный тип: носит априорный характер и, следовательно, служит выражением связей, которые существуют без всякого пространственно-временного ограничения, т. е. *всегда* («власть», «социальное расслоение», «господство», «религия», «социальное неравенство», «культура» и т. д.). «Чистые типы» социологии указывают на такое *теоретическое конструирование* социального действия, *как если бы* оно протекало в идеальных (чистых) условиях. Как мы видим, генетический тип отличается от чистого также и по *степени общности*.

Выступая в социологии в качестве *средства*, идеальный тип является главным инструментом достижения *цели* познания, а именно – *понимания* социальных действий.

§ 4. Понимание и интерпретация

По утверждению М. Вебера, только человеческому поведению присущи (во всяком случае, полностью) такие связи и регулярность, которые могут быть *поняты*. Это обстоятельство, что социальные действия поддаются осмысленной интерпретации, содержит в себе главное и специфическое отличие наук о культуре (включая социологию) от наук о природе (естествознания). Принцип *понимания* оказывается тем критерием, с помощью которого отделяется сфера действительности и познания, релевантная для социолога, от той, которая не может быть предметом социологического исследования. – Ибо, по Веберу, поведение человека мы *понимаем*, а поведение, допустим, животной клетки – нет (т. е. мы его *объясняем*).

Наибольшей очевидностью отличается целерациональная интерпретация человеческого поведения. Это означает, что в наилучшей степени мы можем понять именно целерациональное социальное действие. Можно сказать даже так: *идеалом* для социологического *понимания* является целерациональное действие, в котором, по определению, совпадают субъективный *смысл действия* и *само действие*, произведенное в реальности.

Однако в отличие от Вильгельма Дильтея, Вебер не противопоставляет *понимание* (как метод наук о культуре) *объяснению* (методу наук о природе). Он убежден, что социология (см. выше дефиницию социологии) стремится *понять* социальное действие и тем самым каузально *объяснить* его. Метод понимания, таким образом, предшествует методу объяснения. Совместно оба метода образуют, говоря словами Вебера, «интерпретирующее постижение». – *Понимание* во всех случаях есть интерпретирующее постижение: а) *реально предполагаемого* в отдельном случае смысла действия (например, при историческом анализе событий); б) предполагаемого смысла, взятого в *среднем и приближенном значении* (при социологическом рассмотрении массовых явлений, ибо здесь учитываются только усредненные показатели); в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом *чистом типе* («идеальном типе») некоторого часто повторяющегося явления. *Чистые типы* показывают, каким *было бы* определенное социальное действие, *если бы* оно носило строго целерациональный характер, было бы свободно от заблуждений, аффектов, традиций, привычек и *если бы* оно ориентировалось на совер-

шенно однозначную цель. Реальное поведение достаточно редко, и то только приближенно, соответствует конструкции идеального типа. Иначе говоря, поведение в эмпирической действительности всегда в той или иной мере является *«отклонением»* от идеального типа.

Понимание, согласно Веберу, может быть двух типов, или, точнее, двух уровней.

1. *Непосредственное* понимание предполагаемого *смысла* социального действия.

Так, мы *непосредственно понимаем*, например, смысл арифметического правила 2·2 = 4, когда мы его слышим или читаем (т. е. мы понимаем, *о чем идет речь*). Это – *рациональное непосредственное понимание мыслей*.

Мы также *непосредственно понимаем* гневную вспышку, которая проявляется в выражении лица, междометиях, иррациональных жестах (т. е. мы понимаем, что это – именно гневная вспышка, а не бурная радость). Это – *иррациональное непосредственное понимание аффектов*.

Мы способны *непосредственно понимать* действия дровосека, рубящего дерево, или поведение охотника, прицеливающегося в зверя (т. е. мы понимаем: дровосек рубит дерево, а не пашет, скажем, поле; охотник прицеливается, а не чистит ружье). Это – *рациональное непосредственное понимание действий*.

2. *Объясняющее* понимание *мотивов* поведения.

Мы *мотивационно понимаем*, какой смысл вкладывал человек, когда высказал или записал правило 2·2 = 4. Он производил коммерческую калькуляцию (демонстрировал технические расчеты и т. д.). Это – *понимание рациональной мотивации*.

Мы можем *мотивационно понять* гнев, если знаем, что он вызван, допустим, жгучей ревностью, ущемленным тщеславием или покушением на честь. Понятые смысловые связи мы рассматриваем как объяснение фактического действия (гнева). Это – *понимание иррациональных мотивов* (аффектов).

Мы также *мотивационно понимаем* действия того, кто рубит дрова (работает за плату для кого-то, готовит себе топливо на зиму, отдыхает от других дел (хобби)). Понятны и действия прицеливающегося охотника: охотится с целью продажи «трофея», добывает необходимое пропитание, опять же – увлечение и т. д. Это – *понимание рациональных мотивов действия*.

Во всех этих случаях под *мотивом* поведения понимается определенное смысловое единство (или единство смысла действия), которое представляется достаточным в качестве *причины* изучаемого социального действия. Правильная каузальная интерпретация конкретного действия означает, что внешний ход событий адекватно понят из мотивов совершенных действий. При этом соотношение действий и его мотивов должно быть *типическим* (что означает в данном случае – *правильным*). Разумеется, нетипические социальные действия (каковых, на самом деле, немного) требуют особого изучения.

«Правильность» понимания и, соответственно, интерпретации может быть обеспечена опорой на *ценности*. Интерсубъективность понимания базируется на *трансцендентальной предпосылке* всех наук о культуре (см. § 2 данной главы). Во всех случаях «степень правильности» понимания повышает *типичность* действия, а значит – его проверяемость.

Всякая интерпретация стремится к *очевидности*. Очевидность понимания может быть по своему характеру: 1) *рациональной* (то есть логической или математической); 2) *эмоциональной* или *художественно рецептивной* (т. е. в качестве результата сопереживания и вчувствования (эмпатии). Рациональная очевидность присуща тому действию, которое может быть полностью доступно *интеллектуальному* пониманию в своих преднамеренных смысловых связях. Посредством эмпатии очевидность понимания действия достигается в результате полного сопереживания того, что пережито субъектом в определенных *эмоциональных* связях. Наиболее рационально понятны, т. е. интеллектуально постигаемы, прежде всего, смысловые связи, выраженные в математических или логических положениях. Смысл аффектов мы можем понять либо «по аналогии» с собой, либо посредством эмпатии и затем рационально выявить их влияние на характер социальных действий индивида и применяемые им средства.

Тем не менее, сколь бы ясным по своему смыслу ни была интерпретация событий (действий), она тем самым еще не может претендовать на каузальную *значимость* и всегда остается требующей проверки наиболее вероятной *гипотезой*.

В методологии М. Вебера остается проблема, которую можно выразить таким вопросом: когда мы постигаем социальное действие, то, что именно при этом мы понимаем – смысл действия или же самого действующего? Ведь если социология стремится понять самого действующего индивида, то всякое действие выступает для нее как знак чего-то, в действительности совсем другого, т. е. того, о чем сам индивид или не догадывается, или если догадывается, то пытается скрыть. Эту проблему Вебер пытался разрешить тем, что выбрал в качестве идеала понимания целерациональное действие, в котором смысл действия и само действие (действующий индивид) совпадают. Таким образом, ситуация становится ясной: понять смысл действия – значит понять действующего индивида и наоборот. Безусловно, это – идеализированное социологическое пространство, а вовсе не реальное социальное. Однако ни одна наука не изучает полностью реальную действительность, но всегда – лишь идеализированную.

По утверждению Вебера, в современном обществе целерациональный тип поведения становится однозначно доминирующим. Этот факт есть проявление всемирно-исторической победы *формальной* рациональности над *материальной*. Рационализация социального действия – это тенденция самого исторического процесса. Таким образом, ход современной истории (по крайней мере, начиная с эпохи Нового времени) рассматривается М. Вебером как процесс прогрессирующей рационализации.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается сущность интерпретативной («понимающей») парадигмы?

2. Продемонстрируйте различие между семантическим и научным типами объяснения.

3. В чем заключается специфический подход микросоциологии к изучению социальной действительности?

4. Каково различие в изучении действительности между науками о природе и науками о культуре?

5. Что такое интерсубъективность? Какова ее роль в науке? Каким образом М. Вебер обосновывает интерсубъективность?

6. Что такое ценность в социологии М. Вебера? Какова роль ценности в процессе познания социальной реальности?

7. В чем М. Вебер видит предмет социологии?

8. Какую фундаментальную предпосылку (допущение) принимает М. Вебер в процессе исследования социальных действий?

9. Что такое «идеальный тип»? Какова роль и механизм действия «идеального типа» в социальном познании?

10. Раскройте сущность и расскажите о различных видах «идеального типа».

11. Каково соотношение и субординация между пониманием и объяснением в социологии М. Вебера?

12. Расскажите о типологии понимания. Покажите на примерах различные типы понимания.

13. Что такое очевидность? Какие типы очевидности выделяет М. Вебер?

14. Какая методологическая проблема, касающаяся предмета понимания, возникает в социологии М. Вебера, и каким образом он пытается ее решить?

Раздел 2. ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ

Глава V. Социологическое измерение[22]

§ 1. Первичное измерение (квантификация) эмпирических данных

Измерение – это процедура поиска и использования таких *фактов*, которые могли бы служить их количественной (числовой) характеристикой.

Все факты, которые используются в социологическом измерении, называют *индикаторами*. Выбор индикаторов зависит (предопределен) от *интерпретации* и *операционализации основного понятия*, которое в свою очередь является выражением *основной проблемы* социологического исследования.

Интерпретация основного понятия – процесс, в ходе которого социальная проблема (предмет исследования) должна быть выражена в *теоретических понятиях*, которые в полной мере и точно описывают («вбирают в себя») проблемную ситуацию. Интерпретация, следовательно, позволяет установить, *по каким направлениям* должен осуществляться сбор количественной информации.

Стало быть, интерпретация представляет собою процесс подведения социальной проблемы под релевантное ей понятие (такое понятие М. Вебер называл «идеальным типом»). Интерпретация основного понятия предполагает также вычленение из него понятий меньшей степени общности, т. е. его *составляющих*.

Операционализация основного понятия продолжает и детализирует интерпретацию. Операционализация есть процесс расчленения ранее выделенных *составляющих* основного понятия на их элементы, т. е. понятия еще ме́ньшей степени общности. Получаемые при этом понятия являются *эмпирическими*, а не *теоретическими*: они имеют непосредственное отношение к действительности, обозначают реальные вещи, отношения, ситуации и т. д., а значит, у них

[22] Поскольку данная тема рассматривается в курсе «Методология и методика социологического исследования», то эта глава преследует цель лишь напомнить основные понятия и процедуры, связанные с измерением.

есть конкретный референт (представитель) в социальной реальности, обозначением чего (кого) они как раз и служат. Именно такие *«эмпирические понятия»* и составляют категорию *индикаторов*.

Операционализация основного понятия показывает, *о чём* следует собирать информацию, а *индикаторы* помогают понять, *как и в какой форме* необходимо подойти к её сбору. В то же время индикаторы позволяют правильно сформулировать вопросы для, предположим, анкеты и других видов социологического инструментария, а также определить структуру ответов на них (т. е. правильно выбрать *ранги*).

Пример*: *Основное понятие исследования (изучаемая проблема): «Социально-психологическое состояние трудового коллектива». *Операциональные понятия* (составляющие основного понятия): 1) «Состояние трудовой дисциплины»; 2) «Бытовые условия»; 3) «Организация труда»; 4) «Общение работников в нерабочее время»; 5) «Удовлетворение трудом» и т. д. *Индикаторы* (возьмем одно из операциональных понятий – «Состояние трудовой дисциплины»): а) «Выполнение норм выработки и плана в целом»; б) «Соблюдение правил внутреннего распорядка»; в) «Режим использования рабочего времени»; г) «Выполнение распоряжений руководства» и т. д. Все характеристики индикаторов (допустим, все *ответы на вопрос* (они являются *рангами*) «Выполняются ли распоряжения руководства?») составляют в целом шкалу измерения.

Качество отдельных индикаторов, а также их суммарных показателей (индексов) и шкал измерения определяется их *надежностью* и *валидностью*.

Надежность измерения связана с его устойчивостью, т. е. *однозначностью* информации, которую мы извлекаем с помощью какой-либо социологической процедуры.

Валидность измерения характеризует соответствие измерения его цели. Эмпирический индикатор (ранг, шкала) *валиден* (т. е. обоснован, правилен) в той мере, в какой он действительно выражает значение той теоретической переменной, которую предполагалось измерить. Следовательно, валидность инструмента измерения состоит в однозначности и правильности получаемых результатов

относительно измеряемого свойства объектов. Валидность, таким образом, определяет «чистоту» измерения операциональных и основного понятий.

Существуют различные *уровни измерения*:

1. *Номинальные измерения* – процессы отнесения объектов в классы с точки зрения их идентичности какому-либо свойству или признаку.

2. *Порядковые измерения* предполагают, что объекты можно упорядочить по степени выраженности у них свойства или признака (например, низкий, средний или высокий социальный статус).

3. *Интервальные измерения* применяются тогда, когда мы не просто способны определить количество интересующего нас свойства (признака), но и ввести единицу измерения.

§ 2. Общая характеристика шкал

Как было сказано выше, характеристики индикаторов (например, ответы на вопрос анкеты) составляют в совокупности *шкалу измерения*. Каждый вариант ответа представляет собою *позицию* шкалы измерения. Каждому уровню измерения соответствует *тип* шкалы измерения:

1. *Номинальная шкала* (шкала наименований, или назывная шкала) измеряет *субъективные представления* респондентов (мнения, установки, ценности, интересы и т. д.) или же *признаки респондентов* (паспортичка в анкете: пол, профессия, семейное положение и т. д.). Номинальная шкала не содержит *сравнения* (рангов) в отличие от следующего типа.

2. *Порядковая (ранговая) шкала* (сравнительная): объекты в этой шкале выстроены по рангу (степени). Например, вопрос «Довольны ли вы своей работой?» содержит следующие ответы (ранги): «Полностью доволен»; «Скорее доволен»; «В равной степени доволен и недоволен»; «Скорее недоволен»; «Полностью недоволен».

3. *Интервальная шкала* выражает те значения признака, которые можно выразить числом: возраст, стаж работы, учёба и др. Интервальная шкала может быть с а) *равными* и б) *неравными* интервалами.

К используемым шкалам измерения применяются следующие основные требования:

1. *Валидность* – свойство шкалы измерять именно то качество или свойство, которое социолог намерен изучать.

2. *Полнота* – способность шкалы учитывать *все* значения индикатора (например, к вопросу «Из каких источников Вы узнаёте о начале учебного года в вашем вузе?» должны быть приложены в качестве возможных вариантов ответа *все* источники получения информации).

3. *Чувствительность* – способность шкалы выявлять отношение респондентов к изучаемому явлению с той или иной степенью дифференциации. Здесь, однако, необходимо придерживаться правила «золотой середины»: малое количество вариантов ответа (например, три) не позволяет определить степень дифференциации, а большое количество (например, двенадцать) не дает провести четкую границу (т. е. отличие) между соседними вариантами ответов. Чаще всего применяют пятипозиционную (реже – семипозиционную) шкалу. Например, актуальный для всех студентов вопрос «Удовлетворены ли Вы сданным экзаменом?» предполагает следующие стандартные варианты ответа: «Испытываю чувство глубокого удовлетворения»; «В целом удовлетворен»; «Не могу сказать определенно»; «В целом неудовлетворен»; «Испытываю отвращение к полученному результату». При этом *срединное* положение должен занимать *нейтральный* ответ. Стало быть, число содержательных позиций (ответов, или рангов) шкалы должно быть *нечетным*.

Квантификация сложных и далеко не однозначных социальных реалий накладывает немало *ограничений* на математические операции с их измерениями. Математика имеет дело с простыми однозначными абстракциями, в основе которых (чаще всего) суждение «есть – нет» (наличие – отсутствие). Социология должна учитывать и помнить, *что́* именно скрывается за абстрактными величинами и символами, которыми мы оперируем.

Первое ограничение – *соразмерность* количественных показателей, фиксированных *разными* шкалами в рамках одного исследования. Ошибка возникает, если социолог начинает статистически составлять данные, измеренные различными шкалами (например, «сильной» шкалой и «слабой», т. е. шкалой, допускающей широкий диапазон математических операций, и шкалой, которая не пригодна для этого).

Второе ограничение касается рядов распределения: необходимо внимательно изучать форму распределения с точки зрения его уклонения от нормального, симметричного ряда.

Третье ограничение накладывают такие социальные процессы и явления, измерение которых следует проводить шкалами открытого типа (допустим, измерение размера дохода, количества детей, субъективных оценок, показателей научной и творческой активности и т. п.).

Четвертое ограничение связано с особой природой социальных процессов, в которых статистические и детерминистские закономерности находятся в динамическом единстве. Социальные процессы в определенном пространстве и в определенное время могут быть предсказуемы. Однако в неустойчивых (нестабильных) системах вполне вероятны самые неожиданные изменения.

Таким образом, *количественный анализ* имеет свои пределы, за которыми могут быть утрачены качество, глубина и полнота осмысления действительности.

Помимо указанных, существуют и другие, более сложные типы шкал, представляющие собой различные комбинации на основе указанных трех типов, а также шкалограммы[23].

Кроме того, необходимо помнить, что названия *шкал* носят также и *форматы ответов* на закрытые и полузакрытые вопросы, а именно: оценочная шкала; контрольный список (меню); выбор между суждениями, выражающими установку или мнение; ранжирование. Все эти формы ответов также называются «шкалами», но они – не инструменты измерения и анализа данных, а способ фиксации ответа респондента.

Получение информации с помощью и на основе шкалирования *уже́* представляет собою рудиментарную обработку (анализ) данных, ибо то, что не соответствует шкалам, не входит в поле нашего зрения. Однако полноценный (в строгом смысле слова) анализ данных начинается с процедуры, которая называется *группировкой*.

---

[23] Подробнее см.: Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. – М.: Омега-Л, 2007. – С. 113 – 168.

Вопросы для самоконтроля

1. Расскажите об измерении (квантификации) эмпирических данных.

2. Что представляет собою основное понятие? Расскажите об интерпретации основного понятия.

3. В чем заключается сущность операционализации основного понятия?

4. Что собою представляют индикаторы и ранги?

5. Чем измеряется качество индикаторов, индексов и шкал измерения?

6. Какие существуют уровни измерения?

7. Расскажите о типах шкал измерения.

8. Какие требования предъявляются к шкалам?

9. Какие существуют ограничения для математических операций с их измерениями?

10. Что такое «формат ответа»?

Глава VI. Основные процедуры анализа данных

§ 1. Группировка данных

Группировка и классификация суть элементарные процедуры упорядочения данных, предваряющие анализ. С их помощью мы систематизируем, «уплотняем» и обобщаем эмпирические данные.

Группировка (простая группировка) – это классификация, или упорядочение данное по одному признаку; «зачисление» респондента в ту или иную группу в соответствии с одним выбранным признаком. Связывание фактов в группу осуществляется согласно с описательной гипотезой относительно ведущего признака группировки (или признака классификации).

Квантифицированные данные, или *количественные* показатели, группируются в ранжированные ряды по возрастанию (или убыванию) признака. *Качественные*, или *атрибутивные*, данные группируются по принципу построения неупорядоченных номинальных шкал.

Все операции последующего анализа эмпирических данных основываются на изучении сгруппированных данных.

Перекрестная (*комбинационная*) *группировка* – это связывание данных, предварительно упорядоченных по двум признакам (свойствам, показателям) с целью: а) обнаружить взаимозависимости, б) осуществить взаимоконтроль показателей (например, ответов на основной и контрольный вопросы), сформировать новый составной показатель (индекс) на основе совмещения двух свойств (состояний) объекта, а также определить направление влияния одного явления (свойства) на другое. Перекрестная группировка производится в *таблицах*.

Тип группировки данных тесным образом связан с *типами анализа данных*. Если целью исследования (или одного из его этапов) является описание *одной характеристики* выборки в определенный момент времени, то применяется *одномерный анализ*, представляющий собою описание распределения наблюдений («случаев») вдоль оси интересующего нас признака. Соответственно, при обобщении измерений одной переменной используется *описательная* (*дескриптивная*) *статистика*. Таблицы такого анализа называются *линейными* (чаще – просто «*линейкой*»), или *одномерными распределениями*. При одномерном анализе достаточно *простой группировки*.

В том случае, если нам необходимо исследовать взаимоотношения *двух и более* переменных, то будут применяться разнообразные техники *двумерного* или *многомерного анализа*. Многомерный анализ позволяет одновременно исследовать взаимоотношения двух и более переменных, а также проверить гипотезы о причинных связях между ними. При этом типе анализа используется *индуктивная статистика*, или теория статистического вывода, основанная на вероятностном подходе к принятию решений. Здесь необходима *перекрестная группировка*, а таблица такого анализа называется *перекрестной классификацией*, или *таблицей сопряженности*. Подобная таблица содержит информацию о совместном распределении переменных. Таблица сопряженности называется также «*кросстабом*» («crosstab» – «крестообразная таблица»). После составления кросстаба следует процесс анализа таблицы («чтение таблицы»), в ходе которого выясняется наличие или отсутствие связи между переменными и ее параметрами.

Перекрестная (*комбинационная*) *группировка*, – в зависимости от решаемых задач, – может быть:

1) *структурной* (группировка по возрастным интервалам или, допустим, квалификационным разрядам; в этом случае классифицируют всех респондентов по какому-то свойственному всей совокупности объективному признаку);

2) *типологической* (другое название – *эмпирическая типологизация*[24]): выделение некоторого *социального типа* на основании субъективного признака, измеренного по «оценочной шкале»; например: «активный участник (чего-либо)» – «неактивный», «удовлетворен трудом» – «не удовлетворен» и т. п.);

3) *аналитической* (группировка, произведенная по двум и более признакам, взятым в их взаимосвязи).

В результате группировки единиц наблюдения по какому-либо признаку (признакам) образуется статистический ряд, который называется *рядом распределения.* Ряды распределений, отражающие результат группировки респондентов по *качественным* признакам, называются *атрибутивными,* а по *количественным* – *вариационными*.

---

[24] Типологический анализ (*теоретическая типологизация*) будет подробнее рассмотрен в гл. VII.

В соответствии с характером количественных признаков вариационные ряды делятся на *непрерывные* и *дискретные* (прерывные). Непрерывные ряды, как правило, носят *интервальный* характер. В этих рядах интервалы могут иметь как *установленные* (*фиксированные*), так и *неустановленные* границы.

Если данные сгруппированы, то мы сразу можем увидеть, какова *абсолютная частота* наблюдаемого признака в исследуемой совокупности, т. е. сколько раз встречается данный признак в выборке. Абсолютная частота выражается в абсолютных числах. *Относительная частота* чаще всего выражается в процентах и показывает долю значений признака в общем числе наблюдений.

§ 2. Статистические таблицы и графическая интерпретация эмпирических зависимостей

Статистическая таблица не представляет собою отдельный вид математической операции. Таблицы служат для наглядного отображения рядов распределения, хотя с их помощью и производят анализ связи между признаками исследуемого объекта (объектов). То же самое можно сказать и обо всех видах графической интерпретации (графиках).

Структура таблицы имеет следующий вид.

Подлежащее таблицы – это объект (совокупность респондентов, признаков, характеристик), выраженный в цифрах.

Сказуемое – система цифровых показателей, которыми характеризуется объект (подлежащее).

Заголовки: а) *общий* заголовок – название таблицы; б) *внутренние* заголовки обозначают содержание *строк* и *столбцов*. Кроме того, в таблице указывают *место* и *время*, к которым относятся сведения, а также *единицы измерения* (в процентах или абсолютных числах).

Таблицы можно разделить на два основных вида: *перечневая*, *комбинационная*.

Перечневая таблица – наиболее простая, составленная на основании ряда распределения по одному признаку (например, распределение респондентов по полу). Она представляет собою перечень (список) отдельных значений той или иной переменной.

Комбинационная таблица отображает ряды распределений по двум и более признакам (например, по полу, возрасту, образованию).

Грамотно составленная таблица позволяет не только наглядно представить данные, но и описать, проанализировать смысл и сущность изучаемого социального явления[25].

Графическая интерпретация данных (*графики*) – наиболее наглядное изображение полученного распределения результатов исследования.

Круговая диаграмма (чаще всего изображается в виде нарезанного «пирога», но существуют и другие формы) показывает соотношение каких-либо величин (обычно – качественных).

Гистограмма (столбиковая диаграмма) – графическое отображение распределения, построенного чаще всего по *интервальной* шкале (т. е. по *непрерывному* ряду распределения). Каждый столбик соответствует интервалу значений переменной. Следовательно, если ряды неравномерные (например, интервалы, обозначающие количество лет), то ширина столбцов будет различная. Высота столбика отображает частоту (абсолютную или относительную) наблюдавшихся значений переменной.

Полигон распределения используется чаще всего для изображения *дискретных* (прерывных) рядов.

И гистограмма, и полигон строятся в прямоугольной оси координат, в которой на горизонтальной оси x указываются значения (ранг) переменной, а на вертикальной оси y отмечается общая численность или доля (в процентах) респондентов, обладающая тем или иным значением.

Существует также иные разновидности графиков (например, *кумулята*).

Более глубокое обобщение (по сравнению с таблицами и графиком) первичных эмпирических данных предполагает вычисление специальных статистических величин.

---

[25] Требования к построению таблиц и графиков, а также техника конструирования и редактирования таблиц с помощью программы *SPSS* *см.*: Анурин В.Ф. Анализ социологической информации. – Н. Новгород: НКИ, 1999; Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. – М.: ИНФРА-М, 2008. – Гл. 5.

§ 3. Меры центральной тенденции. Дисперсия

Средняя арифметическая (величина) есть интегральная, обобщенная величина, позволяющая сравнить между собою не только группы одного ряда распределения, но и сами ряды распределения в том случае, если они строятся по идентичным признакам.

Средняя арифметическая (по другому: *среднее арифметическое* (значение), или просто – *среднее*) относится к так называемым *мерам центральной тенденции*, которые указывают на расположение среднего, или типичного, значения признака, вокруг которого сгруппированы остальные наблюдения. Необходимо помнить, что меры центральной тенденции могут быть строго заданы лишь для *одномерного распределения* переменной-признака.

Общая формула для её вычисления: $\overline{X} = \frac{\sum x_i}{i}$, где x_i – числовые значения вариаций признака, i – число вариаций. Знак $\sum$ обозначает сумму.

Приведенная формула служит для вычисления *простой средней арифметической*, которая вычисляется в том случае, когда группировка осуществляется по признаку, не имеющему вариации и, следовательно, собственных числовых значений. Но это бывает довольно редко, так как большинство признаков являются количественными.

Гораздо чаще при анализе данных вычисляется *взвешенная средняя арифметическая* (табл. 1). При этом используется та же формула, что и при вычислении простой средней арифметической. Возьмем, например, распределение респондентов по возрастным группам и вычислим среднее число лет респондентов (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение респондентов по возрастным группам

Возраст, x_i, лет	Абсолютное число респондентов, человек	Среднее интервальное значение для возраста (среднее число лет), $\overline{x}$
20 – 25	40	22,5
26 – 30	120	28,0
31 – 40	30	35,5
41 – 50	10	45,5

Подставив значения из таблицы в формулу, мы получим среднее число лет для группы из 200 респондентов – 28,9 года.

Однако средняя арифметическая может иметь недостаток, а именно – скрывать за итоговым числом различную степень «разброса» значений признака. Тем самым качественное сравнение различных групп респондентов по необходимым характеристикам затрудняется или становится невозможным.

Например, проанализирована посещаемость четырех занятий в двух группах. В одной занимается 20, в другой – 30 человек. В течение четырех дней занятия посетили в первой группе (соответственно): 18, 20, 20, 18 человек; во второй – 15, 23, 10, 28. Средняя посещаемость в обеих группах будет составлять 19 человек. Но во второй группе показатель посещаемости подчинен воздействию каких-то специфических факторов, что совершенно не отображает средняя арифметическая.

Для того чтобы измерить степень равномерности или неравномерности распределения той или иной характеристики, используется формула вычисления *степени разброса значений признака*. Это вычисление называется *дисперсией* и обозначается как σ^2 (сигма квадрат): $\sigma^2 = \frac{\sum N(x_i - \bar{x})^2}{N}$, где N – общее число наблюдений; x (или x_i) – числовое значение i-позиции (в нашем примере – количество посетивших занятие в один из дней), $\bar{x}$ – средняя арифметическая.

Дисперсия, в отличие от средней арифметической, т. е. меры центральной тенденции, относится к мерам *изменчивости (разброса)*.

Значение дисперсии вычислять легче, если представить отдельные элементы и их расчеты в виде таблицы (табл. 2). Вернемся к примеру с посещаемостью занятий двумя группами.

Таблица 2

Вычисление дисперсии

Посещаемость в I группе, x_i	Отклонение от средней арифметической, $(x_1 - \bar{x}_1)$	Величина квадратичного отклонения, $(x_1 - \bar{x}_1)^2$	Посещаемость во II группе, $(x_2 - \bar{x}_2)$	Отклонение от средней арифметической, $(x_2 - \bar{x}_2)$	Величина квадратичного отклонения, $(x_2 - \bar{x}_2)^2$
18	– 1	1	15	– 4	16
20	+ 1	1	23	+ 4	16
20	+ 1	1	10	– 9	81
18	– 1	1	28	+ 9	81

Теперь вычисляем дисперсию, т. е. степень разброса значений признака:

а) в первой группе: $\sigma_1^2 = \dfrac{1 + 1 + 1 + 1}{4} = 1;$

б) во второй группе: $\sigma_2^2 = \dfrac{16 + 16 + 81 + 81}{4} = 48{,}5.$

Извлекаем корень и получаем *среднее квадратическое отклонение*: а) в первой группе = 1; б) во второй группе ≈ 7.

Бóльшему значению дисперсии соответствует бóльший разброс признака. *Среднее квадратическое отклонение* показывает, насколько в среднем значение признака отклоняется от своего среднего арифметического. В первой группе такое отклонение составляет 1 (один человек). Во второй – 7 (семь человек). Среднее квадратичное отклонение в нашем примере можно проиллюстрировать с помощью числовой оси:

Число 19 – средняя посещаемость во II группе; – 4 и + 9 – крайние границы абсолютного отклонения от средней посещаемости. Отклонение (абсолютное) составляет 13; в среднем (т. е. деленное на 2) – 6,5 , что примерно соответствует среднему квадратическому отклонению ($\sqrt{48{,}5} \approx 7$).

Помимо среднего квадратического отклонения, существует *среднее абсолютное* (*линейное*) *отклонение*, т. е. показатель того, насколько отклоняется абсолютное значение признака (реальное число человек, в нашем примере) от признака арифметического. В таблице это значение ($x - \bar{x}$).

Таким образом, для вычисления дисперсии и среднего квадратического отклонения необходимо пройти последовательно семь этапов:

1) вычислить среднюю арифметическую;

2) вычислить разность между средней арифметической и каждым из значений;

3) возвести в квадрат разности, вычисленные на этапе 2;

4) умножить квадраты разностей на частоты наблюдений каждого значений;

5) суммировать квадраты разностей, вычисленные на этапе 4;

6) разделить сумму квадратов (полученную на этапе 5) на N; это и будет *дисперсия*;

7) извлечь квадратный корень из числа, вычисленного на этапе 6; так мы получим *среднее квадратическое отклонение*.

И дисперсия, и среднее абсолютное (линейное) отклонение, и среднее квадратическое отклонение – все они суть *показатели колеблемости* признака в некоторой изучаемой совокупности. Все эти показатели вариации применимы лишь к количественным признакам. Применение этих вычислений для номинальных и порядковых (ранговых) признаков не вполне корректно и требует тщательной предварительной интерпретации полученных результатов.

Знание дисперсии (допустим, в нашем примере) дает представление о рассеянии реально полученных эмпирических данных вокруг среднего значения. В зависимости от того, насколько велики (или малы) дисперсия и среднее квадратическое отклонение, мы можем судить, насколько различны (или идентичны) действия респондентов (или их мнения). При бóльшем значении дисперсии расхождения в действиях или мнениях велики, при мéньшем – незначительны.

Кроме средней арифметической существуют и другие меры центральной тенденции.

Мода (*Мо*) – такое значение в совокупности наблюдений, которое встречается чаще всего. Нужно учитывать, что в ряду распределения могут быть две и более моды (своего рода «пики» в совокупности числовых значений).

Медиана (*Md*) – значение, которое делит множество данных пополам. Следовательно, одна половина наблюдений по своим числовым значениям будет всегда меньше значения медиана, а вторая половина – больше. Таким образом, медиана – это *пятидесятый процентиль* распределения.

В статистике используются также другие (нецентральные) меры, называемые *квантилями*.

Квантили – меры (величи́ны), разделяющие ряд распределения или на 100, или на 10, или на 4 равные части. К квантилям относятся следующие величины: *процентиль* – мера, делящая ряд распределения на 100 равных частей; *квартиль* делит совокупность на 4 равные части; *дециль*разбивает ряд на 10 равных частей.

§ 4. Основы статистических зависимостей

Одна из важнейших задач анализа данных – проверка гипотез, в которых высказываются предположения о наличии связи между двумя или более переменными. На определенном этапе анализа необходимо заняться поиском таких связей. Помощь в этом окажут следующие вопросы, которые следует поставить перед собой:

1. Существует ли обозначенная (высказанная) в гипотезе связь между переменными?
2. Каково направление этой связи?
3. Насколько сильна эта связь?
4. Является ли связь статистически значимой?
5. Является ли связь каузальной?

Более глубокий вид статистического анализа, нежели представленный в предыдущих параграфах, – это изучение взаимосвязей и тенденций развития социального явления. Такое исследование осуществляется при помощи сравнения и сопоставления рядов распределения, построенных на основании группировок по различным признакам.

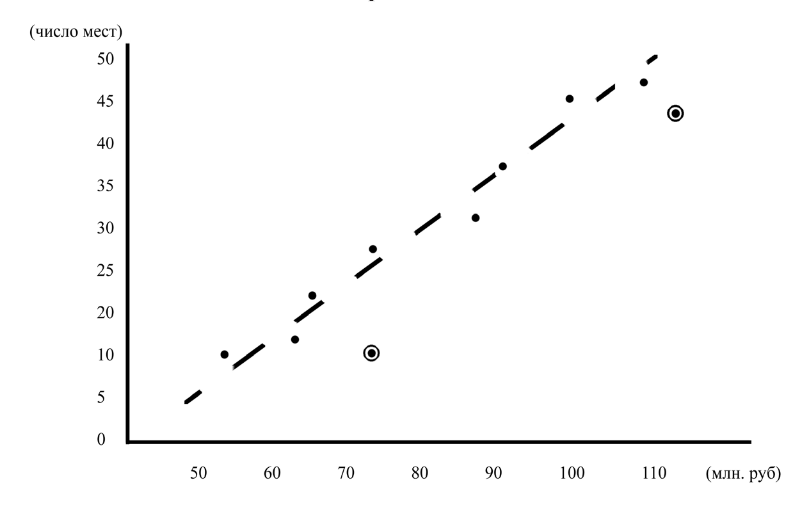
Анализ статистических зависимостей в рядах распределения содержит в себе, как минимум, два аспекта: а) изучение взаимозависимости нескольких величин, что является предметом исследования *теории корреляции*; б) рассмотрение зависимости одной (и более) величины от остальных, чем занимается *теория регрессии*.

Регрессионный анализ (в самом простейшем выражении) дает возможность исследовать зависимость одной переменной от другой. Предельно простым типом такой зависимости будет *линейная* зависимость явления X от причины Y (диагр. 1).

На диаграмме каждой точке соответствует политическая партия. Два случая (точки обведены окружностями), как видно, составляют аномалию, однако остальные восемь демонстрируют явную тенденцию зависимости партийного бюджета от количества мест в парламенте. Пунктирная линия называется *линией регрессии*. В данном графике отображен «идеальный» случай линейной зависимости. Соответственно, уравнением регрессии Y от X будет зависимость: $\overline{Y}_x = F(x)$. Уравнение регрессии описывает числовое соотношение между величинами, выраженное в виде тенденции к возрастанию (или убыванию) одной переменной величины при возрастании (убывании) другой.

Диаграмма

Зависимость количества мест в парламенте от величины партийного бюджета



В нашем «идеальном» примере практически все (за исключением лишь двух) наблюдения «укладываются» на *линию регрессии.* В этом случае регрессионный анализ позволяет точно предсказывать значения *Y* (мест в парламенте) от *X* (величины партийного бюджета).

Как правило, для осуществления регрессионного анализа используется компьютерная программа (например, *SPSS*).

Осуществляя регрессионный анализ, следует помнить, во-первых, что наличие координации переменных, их согласованное изменение еще не доказывает наличия однозначной каузальной связи между ними. Необходима проверка причинной зависимости другими методами. Во-вторых, зависимость очень часто бывает темпорально ассиметричной: в один интервал времени *Y* может определить *X*, а другой – *X* станет предсказывающей переменной, а *Y* – зависимой.

Корреляционный анализ также исследует взаимосвязь признаков. Он используется при изучении различных характеристик статистической взаимосвязи, о чем будет сказано ниже.

На примере коэффициента ранговой корреляции *Чарльза Спирмена* рассмотрим действие корреляционного анализа. Коэффициент

Спирмена показывает *силу зависимости* переменных[26]. Он удобен в качестве примера именно тем, что может быть рассчитан «вручную», без помощи *SPSS* и компьютера. В нашем случае коэффициент будет показывать, насколько одинаковыми или различными оказываются ответы на один и тот же вопрос со стороны двух сравниваемых между собой групп респондентов.

Формула коэффициента ранговой корреляции Спирмена имеет вид: $\rho = 1 - \frac{6\sum d^2}{n^3 - n}$, где d – разность рангов; n – общее число рангов (вариантов ответа); $\sum d^2$ – сумма квадратов разности рангов. Коэффициент изменяет свою величину от – 1 до + 1. Иначе говоря, если ответы респондентов анализируемых групп будут полностью совпадать, то коэффициент будет равен + 1. Он будет равен – 1, если ответы окажутся прямо противоположными. Если $\rho = 0$, то корреляция отсутствует.

Рассмотрим процедуру расчета коэффициента Спирмена, для чего проранжируем по двум группам ответы на вопрос: «Из каких источников черпаете политическую информацию?». При этом максимальное количество респондентов, обращающихся к тому или иному источнику информации, обозначим числом 1 (т. е. источник занимает первое место по популярности); источник, набравший минимальное число голосов обозначим как 8, поскольку число позиций (рангов, или количество источников) равно: n = 8. Результаты ранжирования отразим в табл. 3.

В соответствии с полученными значениями мы получаем $\rho = 1 - \frac{6 \cdot 24}{512 - 8} = 1 - \frac{144}{504} = 1 - 0{,}3 = 0{,}7$. Вычисленный результат (0,7) гораздо ближе к показателю +1, из чего мы заключаем: характер обращаемости к источникам политической информации в целом схож в обеих группах.

Кроме коэффициента Спирмена (ρ, или *r*) существует коэффициент ранговой корреляции *Кенделла* (τ и γ), также используемый для измерения взаимозависимости между качественными призна-

[26] В приведенном выше графике регрессионного рассеяния *сила зависимости* (связи) отображается как степень приближения переменных к линии регрессии. Чем ближе переменные (точки) к пунктирной линии, тем связь сильнее, тем больше сила зависимости.

ками, значения которых могут быть проранжированы по степеням убывания или нарастания какого-либо качества у исследуемых социальных объектов.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов по использованию ими источников информации

Источники информации	Данные по I группе, %	Ранги ответов по I группе (x_1)	Данные по II группе, %	Ранги ответов по II группе, (x_2)	Разность рангов, $d = x_1 - x_2$	Квадрат разности, (d^2)
1. Радиопередачи	76,9	3	82,4	2	1	1
2. Передачи ТВ	91,8	2	81,1	3	– 1	1
3. Пресса	97,9	1	98,2	1	0	0
4. На занятиях по политологии в вузе	46,2	6	60,3	4	2	4
5. Интернет	55,6	5	39,5	8	– 3	9
6. Общение с друзьями	32,0	8	42,7	7	1	1
7. Публичные лекции	72,3	4	50,1	6	– 2	4
8. В семье	36,5	7	52,4	5	2	4

Коэффициент корреляции *Пирсона* r_{xy}, или «коэффициент корреляции, равный произведению моментов», исследует величину ковариации значений двух переменных X и Y, характеризуя совместное изменение значений двух этих переменных. Более доступно и наглядно его можно определить как показатель того, насколько плотно «облако» точек на графике (см. диагр.) концентрируется около линии регрессии.

Существуют и другие коэффициенты: множественной регрессии (β или *b*), измерения взаимозависимости для номинального уровня (Φ), множественной корреляции (*W*), сопряженности (*P*), измерения связи в таблице (Т, K), частной корреляции (*r*) и т. д.

Разнообразие коэффициентов диктуется стремлением математически выразить разнообразие реальных социальных связей в обществе. Каждый корреляционный коэффициент приспособлен для измерения вполне определенного вида зависимости.

В настоящее время использование коэффициента и – в целом – статистический анализ данных в значительной степени облегчается компьютерными технологиями с использованием широко известных программ *SPSS*, *ATLAS*, *SAS*, *Statgraphics Plus* и т. д. Кроме статистических программ разработаны также многочисленные графические. Все они, вместе взятые, очень быстро совершенствуются и измеряются.

§ 5. Основные этапы анализа данных

Если рассматривать анализ данных как наиболее полную, завершенную и последовательную совокупность действий, не принимая во внимание того, что анализ данных может быть сокращенным, то можно выделить следующие основные этапы.

1. Анализ данных начинается с *описания* всей совокупности данных в первоначальной, простейшей форме. Предваряется эта стадия контролем информации и выбраковкой непригодных данных: выявляются ошибки и пропуски, отсеиваются некомпетентные и недобросовестные респонденты, короче – производится «чистка массива». Далее производится собственно описание с использованием аппарата дескриптивной статистики. Изучаются простые распределения, выявляются аномалии, рассчитываются меры средней тенденции, вариации (разброс) распределения (дисперсия, среднее абсолютное и среднее квадратическое отклонения).

Все эти шаги необходимы для решения двух задач: а) общей оценки выборочной совокупности и отдельных подвыборок, с тем чтобы понять, каким образом особенности выборок будут сказываться на интерпретации того или иного вывода и обобщающих заключений; б) для того чтобы не утратить представления о более сложных зависимостях и комбинациях, с которыми придется иметь дело впоследствии.

2. На втором этапе следует «уплотнение» исходной информации, т. е. укрупнение шкал, эмпирическая типологизация, формирование признаков-индексов и т. д. Главная цель всех этих операций – сокращение числа признаков, необходимых для итогового анализа. Вместе с тем достигается первичное обобщение данных, нужное для более глубокого анализа. Здесь же начинается переход к анализу взаимосвязей, который полностью развернется на третьем этапе. Начинают использоваться так называемые «сильные» операции: типологический анализ, факторный анализ и т. п. Как следствие, формируются *интерпретационные схемы*, по сути – «каркасы» понимания эмпирического материала.

3. Данная стадия непосредственно вытекает из предыдущей. Происходит углубление интерпретации и переход к объяснению фактов путем выявления прямых и косвенных детерминаций внутри массива. Здесь должны быть получены основные выводы, необходимые для подтверждения (опровержения) гипотезы, теоретического осмысления проблемы и выработке типологических рекомендаций.

Основная опасность здесь – подмена косвенных, опосредованных связей прямыми. Это, кстати, одна из самых распространенных ошибок при анализе данных.

4. На заключительном этапе аналитическое исследование непосредственно переходит в прогностическую и рекомендательную процедуру действий. Для этого полезно прибегнуть к проверке основных выводов исследования. Идеальным вариантом является повторное исследование. За его невозможностью, целесообразно использовать мысленный эксперимент, регрессионный и детерминационный анализы, экспертный опрос.

Необходимо постоянно помнить: в конечном счете, единственное, что обеспечивает теоретическую убедительность и практическую значимость исследования – это *интерпретационная модель* («модель объяснения»). В свою очередь, основы интерпретации заложены в социологическом мировоззрении исследователя, его жизненном и профессиональном опыте и, наконец, в исследовательской программе, гипотезах.

Построение интерпретационных моделей – сугубо творческая, неформализуемая и даже полностью нерационализируемая операция. Решающее значение здесь приобретают общемировоззренческий и общетеоретический кругозор, перспективность и широта мышления, профессиональные знания и опыт, интуиция, воображение, личностные качества и коммуникативный талант.

То, что было сказано о четырех этапах анализа данных, можно представить в виде компактной таблицы (табл. 4)[27].

Таблица 4

Последовательность стадий анализа данных

Стадии анализа данных	Исследовательские задачи данной стадии анализа	Основные процедуры анализа
1.	Выявление аномалий, ошибок и пропусков в исходных данных, коррекция выборки, выбраковка непригодного материала, описание простых распределений	Качественный анализ сгруппированных данных: использование приемов описательной (дескриптивной) статистики; расчеты средних тенденций, вариаций (разброса) ассиметрии
2 – 3.	Уплотнение исходной информации и ее описание в зарегистрированных показателях, с тем чтобы избавиться от излишней детализации, избежать ошибок последующего анализа вследствие «провалов» в исходных распределениях, повысить уровень обобщения	Приемы укрупнения исходных шкал, логические комбинации частных признаков, построение индексов, эмпирическая и теоретическая типологизация, факторный анализ
2 – 3.	Выявление прямых и косвенных связей, интерпретация и объяснение основных зависимостей и свойств изучаемых явлений, проверка главных и второстепенных гипотез.	Построение двухмерных и многомерных таблиц; расчет корреляций, регрессий, энтропии и ассоциации распределений; использование корреляционных графов детерминационных моделей
4.	Прогноз изучаемых процессов и явленийнаосновеобъяснительных гипотез	Приемы мысленного и, если возможно, натурального экспериментирования, повторные и сравнительные исследования, контрольные опросы экспертов для проверки итоговых выводов, моделирование динамических процессов

[27] Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. – М.: ОМЕГА-Л, 2007. – С. 343.

В процессе анализа данных необходимо строго придерживаться гипотез, сформулированных в программе, избегая при этом двух крайностей: во-первых, поспешных заключений относительно их подтверждения (если факты «укладываются» в гипотезу) и, во-вторых, соблазна увлечься самим процессом анализа, что случается довольно часто и уводит в сторону от целей исследования. Чем дальше мы углубляемся в анализ данных, тем большее значение приобретают объяснительные гипотезы, непосредственно связанные с программными задачами исследования.

Если гипотезы нестандартны и нетривиальны, особое внимание следует уделить заключениям, которые с ними не согласуются. В результате проверок и перепроверок вводятся ограничения и уточнения исходных гипотез, и обнаруживается либо справедливость выдвинутых предположений, либо опровержение.

Не следует смешивать уточнение и интерпретацию данных с их объяснением, ибо они суть различные по своей сущности этапы анализа. Объяснение является главной задачей анализа: оно позволяет установить причинные зависимости, истолковать найденные связи в понятиях более общих тенденций и закономерностей, дает основание для прогноза и, следовательно, для перехода к обоснованию практических решений изучаемых социальных проблем.

Всегда нужно помнить о взаимодополнительности качественных и количественных методов[28]. Количественный анализ в совокупности с качественной интерпретацией и пониманием массовой статистики всегда более ценен, нежели всесторонняя интерпретация одних лишь статистических данных. – Ибо без качественной интерпретации эти данные всегда будут оставаться непредставительными, т. е. нерепрезентативными. Применяя только качественный анализ, мы приобретаем определенное знание ограниченных фрагментов социальной реальности. – Используя только статистический анализ, мы выявляем факты и явления без их смысла и гарантии их типичности и распространенности в широком социальном пространстве. Отсюда ясно, что мы должны комбинировать использование качественных и количественных стратегий. Только их совокупность позволит достичь конечных целей социологического исследования.

---

[28] О качественных методах и качественном анализе данных речь пойдет в гл. VIII.

Вопросы для самоконтроля

1. Какова процедура группировки данных? Что представляет собою перекрестная (комбинационная) группировка?

2. Что представляет собою двухмерный и многомерный анализы?

3. Назовите виды перекрестной (комбинационной) группировки.

4. Что такое ряд распределения? Какими бывают ряды?

5. Каковы структура и виды таблицы?

6. Расскажите о графической интерпретации данных.

7. Что представляют собою меры центральной тенденции? Дайте определение средней арифметической, назовите типы и напишите формулу.

8. Что такое дисперсия?

9. Расскажите о среднем квадратическом отклонении и абсолютном (линейном) отклонении.

10. Что такое мода, медиана, квантили?

11. В чем состоит сущность проверки гипотезы?

12. Дайте определение регрессивному и корреляционному видам анализа.

13. Расскажите о коэффициенте ранговой корреляции Ч. Спирмена. Какие еще существуют коэффициенты корреляции?

14. Назовите основные этапы анализа данных.

Глава VII. Типологический анализ

§ 1. Понятие «метод» в социологии

Прежде всего, необходимо начать с уточнения понятия *«метод»* в социологии. Можно выделить, как минимум, пять основных значений, приписываемых этому широкому понятию.

1. Методами называются стратегии и тактики исследования социальной реальности (качественный и количественный методы, биографический метод, историческое и этнографическое исследования, *case-study*, *grounded theory*, моделирование социальных процессов и другие).

2. Способы (источники) получения информации: метод опроса, анкетирование, интервьюирование, наблюдение, метод фокус-групп, анализ документов, эксперимент, *action research*, тестирование и т. д.

3. Техники, приемы сбора информации или методы измерения (метод семантического дифференциала, шкала Терстоуна, шкалограммный анализ Гуттмана и т. д.).

4. Методы математического анализа данных: корреляционный анализ, факторный анализ, латентно-структурный анализ, сравнительный (компаративистский) анализ.

5. Метод как язык анализа (типологический анализ, факторный, причинный, детерминационный, сравнительный)[29].

Представим гипотетическую ситуацию. В ходе исследования нам необходимо применить математический метод (обозначенный в п. 4). Если говорить строго, то даже не метод, а целый класс методов. Существуют методы (классы) дескриптивной (описательной) статистики, методы анализа таблиц сопряженности (корреляционный анализ), методы дисперсионного, регрессионного, факторного, причинного, детерминационного анализа, методы многомерного шкалирования и многомерной классификации.

В рамках любой стратегии анализа данных основной проблемой для социолога является выбор метода поиска эмпирических законо-

[29] Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. – М.: ИД «Стратегия», 1998. – С. 188.

мерностей, а также интерпретация этих закономерностей. Этот выбор зависит от основного *языка анализа*[30], который применяет социолог.

От того, на каком языке анализа исследователь будет изучать фрагмент социальной реальности, зависит и то, какого рода эмпирический материал ему нужен, и то, какие *приемы обработки* информации (включая сюда и математический методы) он будет использовать для первичного анализа, понимая и объяснения того или иного феномена социальной реальности. Математические методы полностью определяются социологическим содержанием и принятыми теоретическими моделями объяснения. В последние, как составные части, входят логика и язык социологического исследования и анализа.

Следовательно, для выбора конкретных методов, инструментария в целом нам необходима *теоретическая (конструированная) типологизация*, которая представляет собою обобщение признаков социальных явлений на основе идеальной теоретической модели и по теоретически обоснованным критериям.

Иначе говоря, прежде чем мы начнем использовать инструменты и методы анализа, мы должны иметь *предмет,* по отношению к которому можно использовать эти методы и инструменты. Совокупность только что полученных и ни в малейшей мере не обработанных данных *предметом не является.* Предметом могут быть *первоначально осмысленные* данные. Это осмысление придает сначала *эмпирическая*[31]*,* а затем и *теоретическая типологизация.* Только после этих процедур появляется *предмет* для математического анализа.

Таким образом, *метод как язык анализа* детерминирует применение *метода как процедуры математического анализа*. Наиболее значимым, основополагающим и распространенным языком анализа является *типологический*.

[30] *Язык анализа* – совокупность языковых конструктов (понятий, категорий, языковых конструкций), необходимых для планирования, проведения социологического исследования, а также для специфических процедур анализа полученных данных.

[31] Напомню, что *эмпирическая типологизация* есть поиск устойчивых сочетаний (т. е. типов) свойств социальных объектов (явлений), рассматриваемых в соответствии с описательными гипотезами, как правило, в нескольких измерениях одновременно.

§ 2. Язык типологического анализа

Типологический анализ (ТА) – методология (или метаметодика) анализа данных; совокупность методов изучения социального феномена, позволяющих выделить социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов («социальных типов»), которые характеризуются типообразующими признаками. Эти объекты интерпретируются как носители различных типов существования феномена. Таким образом, ТА применяется для поиска знания о реально существующих типах (формах, видах) изучаемого социального явления[32].

ТА начинается с построения *априорной типологии*, т. е. с предварительного разбиения всей анализируемой совокупности объектов на однородные в определенном смысле группы. Иначе: исследователь располагает некоторыми *априорными представлениями* о типах.

Предположим, что мы исследуем для некоего господина *X* электоральную ситуацию перед выборами и *априорно предполагаем,* что существуют такие субъекты РФ, в которых господин *X*, в силу своих разнообразных свойств и возможностей, сможет победить. Значит, этот *тип* субъектов РФ может быть социально управляем и может положительно реагировать на те качества, которыми обладает господин *X*. Другие субъекты РФ, следовательно, не входят в этот тип.

В данном случае цель нашего исследования – проверка *априорной типологии* (гипотезы) о существовании таких *типов* субъектов федерации.

Однако может быть и другая ситуация, когда априорная типология не нужна. Тогда логика анализа будет выстроена по *восходящей стратегии*. Тогда, прежде всего, мы изучаем характер распределения нашего эмпирического индикатора по всей совокупности субъектов федерации. Для этого мы вычисляем *размах*, *моду*, *медиану*, *среднюю взвешенную*, *дисперсию*, *квантили*, *среднеквадратическое отклонение* и т. д. В результате выявляются различные типы (точнее – «кандидаты в типы») субъектов РФ.

[32] Основоположником типологического метода можно считать *Г. Зиммеля*, который в рамках социологии форм впервые начал изучать *социальные типы*.

Что же представляет собою язык типологического анализа? Рассмотрим подробнее *понятийное поле* типологического метода.

Характерной особенностью понятийного поля типологического анализа является его *ширина*. Такая ситуация возникает потому, что само *проблемное поле*, на котором используется типологический метод, чрезвычайно масштабное. Социологов интересуют: социальные типы и типы *социального* (социальности); типы общественного сознания и типы поведения: типы как предикаты *чего-либо* (типы ценностных ориентаций, страхов, экспектаций, установок, предпочтений и т. д.) и типы *кого-то* (индивидов, социальных групп, малых групп, общностей, маргиналов и т. д.); типы обществ и типы как формы взаимосвязей. Короче говоря, не существует ни одного социологического исследования, в котором бы не использовались понятия «тип», «типологизация», «типический», «типология» и т. п. Типологизации подвергается буквально всё.

Основные понятия языка типологического анализа суть следующие[33].

Социальный тип – группа людей, схожих в восприятии социальным окружением по каким-либо основаниям, т. е. типообразующему признаку (образу жизни, статусу, поведению, облику и т. д.).

Тип – вид, форма существования социальных феноменов и индивидов в науке или повседневной жизни людей. Этот термин имеет три условных значения: типовой, типологический, типический.

Типовой – распространенный, модальный, часто встречающийся.

Типологический – особенный, общий, объединяющий.

Типический – специфический, характерный, редко встречающийся.

Идеальный тип: 1) интеллектуальная конструкция (понятие), возникающая в результате теоретической типологизации; 2) мысленное представление или образ, не существующие в реальности.

Типизация – конструирование индивидами социальной реальности на основе спонтанной классификации всего окружающего.

Типологизация – процедура систематизации знания об изучаемых феноменах с целью введения (задания) типов или для поиска знаний о типах.

---

[33] Приведенные ниже дефиниции взяты: Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. – М.: ИД «Высшее образование и Наука», 2007. – С. 216 – 217.

Типология – 1) совокупность типов, результат их конструирования; 2) способ конструирования типов.

Основание типологии – совокупность суждений о близости, похожести, схожести «случаев проявления» изучаемого социального явления, близости эмпирических объектов. Основание типологии формулируется по основной части типообразующих признаков, т. е. признакам, которые являются непосредственными характеристиками предмета типологии.

Типологический синдром – эмпирическая закономерность, обнаруженная в структуре данных, основа для выдвижения гипотезы о существовании типов каких-либо социальных феноменов. Иначе типологический синдром называют «кандидатом в типы».

Типообразующий признак – характеристика, свойства социальных феноменов, на основе которых конструируются типы либо формируются гипотезы об их существовании.

Типы в целом могут быть двух основных разновидностей: 1) типы, известные в науке или повседневной жизни и сформировавшиеся целенаправленно (реже) либо стихийно (чаще); тогда поиск знания о них есть описание социального портрета типа, а задача эмпирической социологии состоит в проведении сравнительного анализа таких портретов; 2) типы, носящие латентный характер; тогда поиск знания о них есть проверка гипотез о существовании этих типов.

В социологии тип (на это указывал еще М. Вебер) играет двоякую роль: а) является *средством познания* и одновременно б) *целью познания.*

1. *Тип как средство (инструмент) познания*, во-первых, сортирует, классифицирует первичный эмпирический материал, отбирая нужную (т. е. релевантную ему самому) информацию и отбрасывая ненужную.

Во-вторых, тип является основным инструментом социологического анализа, ибо он расчленяет (делит на разные типы ме́ньшей степени общности) ту сферу социальной реальности, в которой «работает». Этой «сферой» могут быть индивиды (личности), социальные явления и процессы, социальные структуры и отношения, социальные действия и взаимодействия.

Социальный тип, в-третьих, представляет собою основу *сравнительного анализа*. Разнообразные классификации личности (в социологии, психологии и т. д.) основываются как раз на социальных типах как критериях разделения и вычленения типов личности.

В-четвертых, тип всегда является средством *понимания* и *объяснения* предмета познания (причем не только в социологии и не только в социальных и гуманитарных науках), ибо является *образцовой моделью*, через соотнесение с которой мы только и можем понять, а затем объяснить незнакомый эмпирический материал.

В-пятых, идеальный тип в познании выполняет функцию *типообразующего признака*, и, следовательно, находится в основании любой научной типологии.

2. Тип в качестве *цели познания* требуется, во-первых, в ходе проверки выдвинутых гипотез о существовании какого-либо *типологического синдрома.* В этом случае образование типа может подтвердить либо опровергнуть гипотезы.

Во-вторых, в той ситуации, когда исследователь не имеет четко сформированных гипотез относительно эмпирического материала, он начинает поиск закономерностей, синдромов и тенденций, имея в виду конечную цель – формирование типа. При выявлении типа распознается структура социального сознания или поведения – короче, любых эмпирических данных.

В-третьих, обобщенный социальный тип может помочь описать и объяснить разрозненные, на первый взгляд, социальные типы ме́ньшей степени общности, чем он сам. Такой обобщенный тип способен создать *кластер*, т. е. (в данном случае) соединение однородных типов в единую совокупность.

В-четвертых, тип является целью при выдвижении и разработке одного или нескольких типологических синдромов.

Если же говорить о процессе познания в целом, включая сюда и социологическое познание, то процесс типологизации и образования типов является одной из фундаментальных, главных задач любой науки, любого систематизированного знания.

§ 3. Основные этапы проведения типологического анализа

Поскольку в социологии существует *восходящая стратегия* проведения исследования и анализа данных и *нисходящая стратегия*, а также *слабоструктурированные и жесткоструктурированные* данные, то изложение основных этапов ТА целесообразно производить для каждого типа стратегии и данных отдельно.

Итак, рассмотрим этапы анализа *нисходящей стратегии* для *жесткоструктурированных* данных. Следует сразу же заметить, это некоторые этапы, например, первый и второй, третий и четвертый, выполняются *параллельно.*

1. Обоснование *цели ТА*. Например: а) поиск типологических синдромов для формирования объяснительных гипотез существования типов изучаемого феномена; б) проверка гипотезы о существовании типов в заданном исследователем смысле; в) поиск типологических синдромов для объяснения социальных явлений.

2. Формирование представлений о *типе* как о *типовом*, или *типологическом*, или *типическом.*

3. Проведение *априорной типологии* эмпирических объектов на основе типообразующих признаков. Формулировка типообразующих признаков возможна только после выявления свойств и структуры эмпирических индикаторов, задействованных в типологическом анализе.

4. Определение *предмета типологии*, выделение (при необходимости) *ядра* предмета типологии. Например, если предметом будет социальная идентичность, то ядром – социальные роли индивида. Если же наш предмет – времяпровождение, то ядро – активное внерабочее время.

5. Формирование той группы типообразующих признаков, которые играют роль *социальных факторов* для объяснения существования искомых типов. Эта часть признаков может и отсутствовать, например, в ситуации поиска типологических синдромов.

6. Эмпирическая интерпретация (*операционализация)* типообразующих признаков, т. е. соотнесение их с совокупностью эмпирических индикаторов (вопросы анкеты, производные от вопросов показатели и т. д.).

7. Формирование *классифицируемой совокупности* объектов. Если эмпирическими объектами (источниками информации) являются индивиды, то в качестве объектов классификации могут выступать, во-первых, се́мьи, рабочие коллективы, студенческие группы и другие общности. Во-вторых, ими могут быть объекты идентичности, ценности, экспектации, предпочтения, страхи, а так же тексты, истории жизни, статьи и т. д. Иначе говоря, объекты классификации суть единицы анализа во всех типах данных.

8. Введение в ТА одной из возможных дефиниций *основания типологии.*

9. Анализ *свойств эмпирических индикаторов*, на основе которых будут формироваться классификационные признаки[34]. Сюда относятся и такие общие свойства, как тип шкалы, несовпадение физического и фактического типов шкал, интерпретация нулевого значения эмпирического индикатора и т. п.

10. Анализ структуры взаимосвязи эмпирических индикаторов, в частности, с целью формирования классификационных признаков (например, учет разнотипности шкал, переход к меньшему числу показателей и т. д.).

11. Формирование *классификационных признаков*. В ряде случаев таковыми являются исходные эмпирические индикаторы.

12. Выбор логики проведения разбиения, т. е. выбор совокупности *алгоритмов классификации* и обозначение последовательности их применения. Эта операция определяется основанием типологии, а также тем, в каком из трех смыслов (типовом, типологическом, типическом) интересует исследователя тип.

13. Определение принципов и способов *интерпретации классов*. Цели интерпретации: а) проверка гипотезы, заложенной в основу априорной типологии; б) описание классов; в) выявление факторов, объясняющих существование этих классов.

---

[34] *Классификация*: 1) процесс разбиения объектов на отдельные группы (классы); 2) результат такого разбиения; 3) систематизация знаний в любой отрасли науки. Эмпирическая типологизация и классификация зачастую попросту совпадают. Могут быть взаимозаменяемыми понятия «теоретическая типологизация» и «классификация», если теоретическая типологизация служит цели решения классификационной проблемы в науке, цели систематизации знания. Классификационные методы применяются для сжатия информации, либо в качестве инструмента типологического анализа с целью обнаружения типологических синдромов или проверки гипотезы о существовании типов.

14. Переход от *классификации* к *типологизации*. Формирование *однотипных групп* объектов на основе объединения классов либо их разъединения.

15. *Корректировка* при необходимости основных понятий типологического анализа и возврат к соответствующим этапам.

Данное описание этапов не отражает всего многообразия и специфики возникающих задач и характера решений, принимаемых исследователем на каждом из них. Все эти этапы требуют переосмысления и учета особенностей в процессе разработки инструментария конкретного социологического исследования.

***

Восходящая стратегия анализа данных используется при отсутствии априорных представлений о типах изучаемого феномена. В этой ситуации понятийный аппарат ТА упрощается, но не перестает играть фундирующую роль.

Этапы ТА *восходящей стратегии* для *слабоструктурированных данных* выглядят следующим образом[35].

1. Построение (проведение) *априорной типологии*. Поскольку посредством метода неоконченных предложений изучаются стереотипы, ценности, установки, образы, то типообразующими признаками, описывающими априорную типологию, будут служить любые характеристики индивидов, за исключением характеристик, вытекающих из «образа».

2. Выделение *«элементарных обоснований»,* т. е. неделимых частей окончания предложения.

3. Формирование из «элементарных обоснований», *«элементов»* (т. е. факторных синдромов[36] для описания образа), а из них – «категорий» (т. е. совокупности «элементов», несущих одинаковые факторные синдромы). «Категория» является своего рода *класте-*

---

[35] В качестве примера ТА в рамках восходящей стратегии берется работа с текстовой информацией (т. е. слабоструктурированными данными), полученной посредством метода неоконченных предложений.

[36] *Факторный синдром* – понятие *факторного анализа*, направленного на поиск социальных факторов, обусловливающих какое-либо социальное явление. Факторный синдром – это установленная взаимосвязь между явлением и его возможной причиной. Иначе говоря, синдром есть «кандидат в факторы»; предполагаемый, но не установленный с точностью, фактор.

ром. Тем самым строится «пирамида» обобщений. Этот этап повторяется множество раз с участием респондентов и экспертов, ибо он – своеобразный лингвистический анализ текстовых окончаний предложений. Иначе: выбор компонентов, характеризующих «ядро» «образа».

4. Формирование *классифицируемой совокупности* объектов. Этап аналогичен п. 7 для нисходящей стратегии.

5. Введение одновременно множества различных дефиниций понятия *«основание типологии»* с их последующим сравнением.

6. Введение *характеристик структуры образа*. Например, степень «размытости образа», «многообразия элементарных обоснований», иерархичность «элементов» и т. д. Речь идёт о *логической формализации образа.*

7. Формирование классификационных признаков (см. п. 10 для нисходящей стратегии).

8. Выбор *алгоритма классификации.*

9. Проведение *классификации* по различным основаниям.

10. *Сравнение «ядер»* «образа» и «периферии» (см. п. 4 для нисходящей стратегии).

11. *Экспликация оснований* (п. 3) и анализ возможностей введения *единственного основания*.

12. Возврат к этапу формирования совокупности структурных показателей «образа» (п. 3), ибо эта совокупность могла в ходе анализа претерпеть изменения.

Таким образом, типологический анализ одинаково применим в любой сфере или отрасли социологии. Он успешно «работает» как в количественной социологии, так и в качественной, ибо является одним из оснований научного познания в целом.

§ 4. Соотношение основных метаметодик

В заключение изложения основных характеристик ТА необходимо коснуться проблемы взаимоотношений типологического анализа и других основных видов анализа – *факторного*[37] и *причинного.*

---

[37] Дефиниция факторного анализа дана в предыдущем параграфе.

Причинный анализ – методологическая процедура анализа данных, предназначенная для поиска знаний о причинно-следственных отношениях между социальными феноменами. На эмпирическом уровне причинный анализ есть исследование структуры связей между признаками-причинами и признаками-следствиями.

Необходимо помнить, что и типологический, и факторный, и причинный виды анализа выступают:

1) как класс математических методов выделения взаимосвязанных групп эмпирических индикаторов и 2) как особого рода язык анализа социальных феноменов, обладающий собственным понятийным полем и специфической методикой исследования.

Все эти три вида являются *метаметодиками* анализа данных, иначе говоря – методологическими процедурами построения конкретной методики анализа данных в отдельно взятом случае, на основе специфической системы языковых конструктов. Все они могут использоваться в исследовании одновременно, однако один из них будет играть роль *основной* метаметодики, а два других – *вспомогательной.*

У каждого вида анализа есть собственные *синдромы,* т. е. «кандидаты» в тип, фактор или причину, – гипотетические, предполагаемые, но ещё окончательно не установленные эмпирические зависимости, обнаруженные в структуре данных и являющиеся основой для формирования типов, факторов и причин.

В процессе использования ТА может возникнуть необходимость в поиске знаний о социальных факторах и причинно-следственных отношениях. В этом случае применяются факторный и причинный виды анализа с их языковыми конструктами и методиками. В то же время возможна ситуация, когда факторный или причинный анализ приходят к выводу о вероятном существовании *типа* в исследуемой ими области. Тогда на помощь приходит типологический анализ.

Стало быть, виды анализа пересекаются, используются одновременно в отдельно взятом социологическом исследовании. Вместе с тем, как было сказано, один из них играет роль *основного языка анализа*, а остальные – роль *вспомогательных языков*. Здесь использована аналогия с понятиями «основная гипотеза» и «вспомогательная гипотеза» исследования.

Все три метода являются исследовательскими стратегиями анализа данных. Их можно также интерпретировать как классы содержательных задач в социологии, решение которых проходит по одной и той же логической схеме (см. этапы ТА). Все они являются элементами логики анализа. Выбор социологом в процессе планирования исследования конкретной метаметодики дает возможность в дальнейшем правильно выбрать методы сбора и методы математического анализа эмпирических данных.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите основные значения понятия «метод».
2. Дайте определение типологического анализа.
3. Что такое эмпирическая типологизация и чем она отличается от теоретической?
4. Что такое априорная типология?
5. Назовите основные понятия языка типологического анализа.
6. Назовите основные этапы ТА в нисходящей стратегии.
7. Каковы основные этапы ТА в восходящей стратегии?
8. Что такое классификация? Каково её соотношение с ТА?
9. Расскажите о соотношении трех основных метаметодик.

Глава VIII. Качественный анализ данных

§ 1. Стратегии качественных и количественных методов

Качественные и количественные методы представляют собою двуединую социологическую методологию. Исследуя социальную реальность, квалититативная и квантитативная методологии составляют неразрывное единство, ибо обладают свойствами *взаимосочетаемости* и *взаимодополнительности*.

Вместе с тем, обоим типам методологии присуща своя, ярко выраженная специфика. В самом общем виде можно отметить, что для познания «системных» проблем (то есть социальных институтов как систем) необходимо знание, основанное на количественных данных, на их объяснении и формулировке в виде категорий, абстракций. Однако для познания опыта социальной жизни, переживаний, чувств конкретных людей, их практик, необходимо знание, основанное преимущественно на понимании и интерпретации.

Макросоциология, родоначальником которой, по большому счету, нужно признать Э. Дюркгейма (а не О. Конта и Г. Спенсера), сформулировала свой собственный методологический подход к исследованию эмпирических явлений, структур и событий, в основе которого лежит принцип *объяснения социальных фактов*, существующих *как бы* независимо от конкретных индивидов. Используя («с умом») позитивистскую установку на превращение социологии в «точную науку» наподобие математики и естествознания, исследователи-макросоциологи вполне обоснованно обратились к математизированным приемам исследования.

Макросоциология (или «объективистская» социология) оперирует «*жесткими*» (математическими и максимально формализованными, структурированными) методами исследования, в результате чего получаемые эмпирические данные в рамках этого направления получили название «*жесткоструктурированных*» (синоним: количественные, числовые данные).

Микросоциология, у истоков которой находились М. Вебер и Г. Зиммель, обратилась к изучению индивидуальных и малогрупповых социальных действий, в основе которых лежит не объективированный, надиндивидуальный смысл крупного социального образования, а *личностный*, *субъективный смысл* и *мотив*, которые

сам индивид вкладывает в свою деятельность. Соответственно, такое действие нельзя сразу же (изначально) *объяснить* на основе *социальных фактов* (то есть устойчивых и стандартизированных образов действия и социальных структур). Социальное действие нужно сначала *понять*, а именно – *понять* тот смысл и те мотивы, которыми индивид руководствовался, совершая что-либо. Короче говоря, нужно понять *зависимый от индивидов* смысл социального действия.

Микросоциология (или «субъективистская», или «понимающая», или гуманистическая социология) оперирует *неструктурированными* или, по меньшей мере, *слабоструктурированными* методами исследования, в результате чего получаемые ею эмпирические данные получили название *неструктурированных*, или *текстовых* (текст при этом понимается предельно широко)[38].

Другими словами, если *макросоциология* (количественная социология) направлена на изучение закономерностей социального взаимодействия между структурами, социальными институтами и организациями, а также индивидами, в эти структуры встроенными, то *микросоциология* (качественная социология) занимается субъективным *содержательным* аспектом реальной практики этих отношений.

Для познания проблем первого рода необходимо социальное знание, основанное на *описании* и *объяснении* обобщенных данных, представленных в метрической форме (цифры, числа, формулы, количественные соотношения и т. д.). Для познания проблем второго рода (то есть опыта, переживаний, чувств, намерений, мотивов и т. д.) необходимо знание, основанное на *понимании* и *интерпретации* характеристик, представленных текстуально или визуально.

Для целей выявления сущности и специфики обеих методологий можно применить *метод поляризации*, который не противопоставляет друг другу объекты, а четко очерчивает их исследовательские границы, стратегии исследования и возможности.

---

[38] Именно в таком виде создавали качественную методологию эмпирического исследования её основатели – социологи Чикагской школы и их последователи.

1. *Качественной социологии* присущ *естественный* способ познания: неструктурированные методы сбора данных, естественный живой язык, визуальный контакт с респондентом и комплексный анализ ситуации повседневной жизни.

Количественная социология предполагает акцент на предварительных гипотезах, заранее разработанной схеме исследования и анализа данных, изучении определенных логических и математических переменных. Все это можно назвать «*искусственным*» подходом.

2. *Гуманистические методы* исследования носят по преимуществу *частный* характер, то есть рассматривают индивидуальное, специфическое, личностно присущее. Именно на этой базе происходит *концептуализация* данных и строятся обобщения вплоть до мини-теорий.

Объективирующие методы обладают *обобщающим* статусом, что проявляется в упорядочении (формализации) структуры сложных социальных объектов при одновременном нивелировании специфики каждого. Об этом же свидетельствуют широко построенные выводы, распространяющиеся на всю совокупность аналогичных объектов и представленные в виде таблиц, диаграмм, графиков и т. п.

3. *Качественная стратегия* стремится к *аналитическому* обобщению в виде частной теории.

Количественная стратегия исследования тяготеет к *статистическому* обобщению, основанному на репрезентативности генеральной совокупности.

4. *Многомерный* (*мультимедийный*) характер *качественного* исследования (то есть использование множества методов познания социальной реальности) в определенной степени противостоит *одномерному* способу изучения реальности *количественной* методологии, а точнее – статистическому способу.

Для иллюстрации различий между качественными и количественными методами можно предложить обобщающую таблицу (табл. 5).

Таблица 5

Различия в стратегиях исследования
при качественном и количественном подходах

Характеристики количественного подхода	Характеристики качественного подхода
Теоретико-методологическая база	
Реализм Достоверное, объективное знание Описание логических связей между отдельными параметрами	Феноменология Релятивизм Описание общей картины события или явления
Фокус анализа	
Общее, генеральное, макроанализ Классификация путем отождествления событий, случаев В центре внимания – структуры; внешнее и объективное	Особенное, частное, микроанализ Описание событий, случаев В центре внимания – человек; внутреннее и субъективное
Единицы анализа	
Факты, события	Субъективные значения, чувства
Исследовательские цели и задачи:	
Дать причинное объяснение Измерить взаимосвязи	Понять, интерпретировать объект Концептуализировать
Стиль	
Жесткий, холодный Систематизация	Мягкий, теплый Воображение, представление о…
Валидность (надежность):	
Достоверное повторение установленных связей	Реальное насыщение информации
Логика анализа	
Дедуктивная: от абстракций к фактам путем операционализации понятий	Индуктивная: от фактов и рассказов о жизни и т. п. – к концепциям (мини-теориям)

Исходя из всего вышесказанного, можно дать общее определение понятия «качественная социология».

Качественная социология – это микросоциология, направленная на познание субъективных значений человеческого поведения путем анализа конкретных ситуаций социального взаимодействия.

Этот тип социологии ориентирован преимущественно на коммуникативный аспект взаимодействия в повседневной жизни и рассматривает социальные ситуации, прежде всего, с точки зрения действующих субъектов. *Качественный метод* как инструмент познания качественной социологии есть способ сбора, обработки и анализа информации о конкретных индивидах и их личностных смыслах. Здесь *объектом* интереса являются индивиды как исполнители социальных ролей, а *предметом* исследования – характер выполнения роли (при наличии социального выбора). *Основанием* познания является *понимание* и *интерпретация* личностных (субъективных) смыслов в социологических понятиях. Изучение концентрируется на уровне *микроанализа* конкретных ситуаций социальной повседневной жизни. Язык исследования максимально приближен к практике повседневного общения. Для описания исследовательского поля качественной социологии наиболее удобным будет понятие *практики повседневного взаимодействия* людей (*практик повседневной жизни*), которые исследуются с точки зрения *социального* (социальный статус и роль) или *культурного* дискурса (ценности, нормы, установки, образцы поведения, культурные универсалии, культурные символы и т. п.).

§ 2. Классификация качественных методов

Единой и общепринятой классификации качественных методов не существует. Наоборот, есть десятки самых разнообразных типологий, построенных на разных основаниях. Основания эти, по большей части, образуются путем многочисленных интерпретаций и дефиниций понятия «метод». Выше (§1 гл. VII) уже указывались основные значения этого «многоликого» понятия. В нашем случае и в данном параграфе необходимо подчеркнуть различие между методом 1) как *стратегией* и *тактикой* исследования и 2) *источником и способом получения информации*. Здесь понятие «качественный метод» будет пониматься в *первом* значении.

Самые разнообразные и, − что представляет особую сложность при классификации, − взаимопересекающиеся и взаимодополняющие методы можно свести (искусственно отделив их друг от друга) к следующим наиболее распространенным: case study, этнографическое исследование, устная история, история жизни, история семьи, grounded theory.

Case study – исследование случая; традиционная тактика изучения *уникального* объекта в совокупности его взаимосвязей. Объектом чаще всего бывает некая замкнутая общность, труднодоступная для анализа другими методами: социальное «дно» общества (преступные группировки, бомжи и нищие, прочие маргиналы), социальная элита, религиозные секты и т. д. Объектом может стать и достаточно «открытая» общность, однако требующая особого подхода в связи с нетривиальной задачей исследования: например, трудовой коллектив (бригада) или учебная группа.

Особенность *case study* состоит в *глубинном* изучении своеобразия и специфики существования объекта и механизма его функционирования как социального целого: особенности интерактивных связей, система властных отношений, ценности и нормы, стандартизированные образы действия, практики совместной деятельности.

Объектом и предметом может быть также «событийный» *case study*, когда интерес направлен на изучение определенного экстремального случая (события) в жизни общности, или организации, или отдельного индивида.

Объект интереса в этой тактике имеет четко очерченные пространственные и временные границы (например, изучается производственная бригада в течение шести месяцев).

Для более глубокого изучения ситуации одновременно привлекаются разноплановые источники информации: включенное наблюдение, т. е. «погружение» (может длиться от нескольких недель до нескольких лет), глубинные интервью, изучение формальных (официальных) и неформальных документов, экспертные интервью, проведение фокус-групп и т. д.

Общая схема *case study* состоит в определении проблемы и контекста ситуации; вопросов, подлежащих изучению; формулировке выводов по форме: «какие уроки можно извлечь из данного случая». Интерпретация в тактике изучения случая носит обычно сугубо локальный, прикладной характер и направлена на выработку рекомендаций по разрешению конфликта, преодолению какой-либо ситуации или более успешному функционированию общности. Однако *case study* может помочь в уяснении серьезной, глубокой и масштабной социальной проблемы (например, становление трудовых отношений в современной России).

Итак, если в фокусе интереса исследователя прежде всего проблемы уникальности объекта и выяснение скрытых пружин его функционирования, то выбирается тактика *case study*. В этом случае результаты исследования чаще всего практические и носят характер рекомендаций относительно подобного случая.

Этнографическое исследование носит, как правило, описательный характер и представляет собою анализ повседневных практик определенной компактной общности, прежде всего с точки зрения ее *культуры* (ценности, нормы, традиции, обычаи, ритуалы, нравы, язык, мифы и т. д.). Эта тактика пришла из культурной антропологии, где применялась для сравнительного анализа примитивных или традиционных культур (Б. Малиновски, М. Мид, Дж. Фрезер и др.). В настоящее время понимание этнографического исследования существенно расширилось и включает в себя изучение культурных образцов и символов не только национального, но и любого другого социального сообщества, например, российского крестьянства или казачества.

Как и в любом культурологическом исследовании, цель здесь состоит в том, чтобы показать ценности и нормы, нравы и образцы поведения изучаемой общности, однако «глазами чужого», но так, чтобы любому незнакомому с данной культурой человеку были понятны «правила игры» и традиции, принятые в данном сообществе.

Тактика прежде всего включенного наблюдения предполагает непосредственный контакт с представителями исследуемой культуры и состоит в первоначальном поиске «посредников» для вхождения в незнакомую среду, а затем в экспликации «ключевых фигур», обладающих наиболее полной информацией о традициях, нормах, нравах и символах группы. Помимо включенного наблюдения используются такие источники информации как анализ документов, групповые интервью, фольклорные и традиционные образцы и т. д.

Специфическим направлением этнографического исследования стало в последнее время изучение «антропологии профессий»: исследуются социокультурные смыслы профессий, воплощаемые в повседневных практиках. Детальное описание содержания и структуры сознания представителей изучаемой профессии позволяет «схватить» качественные различия в их переживаниях и выявить их реальный смысл, присутствующий в субъективном восприятии своей профессии.

Устная история (*oral history*), или ***историческое исследование***, обычно описывает субъективный опыт переживания определенных исторических событий. Интерес может быть направлен на изучение истории локальных событий (становление движения, организации, населенного пункта), а также крупных, общезначимых процессов (раскулачивание, репрессии, расказачивание, революция, война). Анализ направлен на изучение проблем, связанных с социальной историей и *психоисторией*.

Особенность данной тактики – отношение к источнику информации как к очевидцу исторических событий. Поэтому с точки зрения метода становится важным, что исследователь изучает прежде всего *воспоминания индивида* о событиях прошлого, рассматривая их как субъективное свидетельство о прошлом. Учитывая этот аспект, центральными задачами метода являются проблемы искренности информанта, адекватности его воспоминаний, возможности его памяти и способности социолога сделать «поправку», связанную с «аберрацией памяти» респондента. Следовательно, необходимым дополнением является тщательный анализ *социально-культурного контекста* событий (роль национальности, образования, статуса и т. д. в формировании эмоционального восприятия исторического события), а также исследование *исторического* контекста, для чего необходимо привлечь дополнительные («проверочные») источники информации: письма, документы, дневники, кино- и фотодокументы, мемуары, интервью, исторические предметы и т. п. Нужно сравнить свидетельства очевидцев со «свидетельствами» документов.

Само понятие устной истории связано не только с применением «устных» источников информации, но и фундаментальной установкой исследователя: рассматривать социальную историю как процесс, направленный «снизу вверх», как интерес к повседневной жизни «молчаливого большинства». Однако в центре внимания – не изолированные индивиды, а социальные связи и отношения, специфика конкретносоциального и психологического *восприятия* и *воспоминания* исторического события.

Библиографический метод, или ***история жизни*** – одна из самых распространенных тактик качественного исследования, представляющая собою изучение жизненного пути и опыта индивида на разных возрастных стадиях. Метод получения информации – *био-*

графическое интервью – есть не что иное, как повествование о собственной жизни, которое выглядит (говоря словами Э. Гоффмана) как своего рода «сценическое представление» себя самого в своей жизни. В биографическом повествовании есть два предметных уровня: а) события, о которых рассказывает респондент (*что* и *как* происходило в его жизни), и б) способ представления событий (*как* это излагается). Каждый из этих пластов может представлять самостоятельный интерес.

Внимание социолога может быть направлено на сам *способ* построения рассказа о жизни, на *конструирование* своей биографии как *механизм самоидентификации* и *построения социальной реальности.*

Объектом исследования может быть история жизни выдающегося человека; индивида, достигшего какого-то успеха; или история жизни обычного, «среднего», человека.

Основной метод получения информации – биографическое интервью или длительные диалоговые беседы с человеком. Используются, кроме того, так называемые «документы жизни»: письма, дневники, школьные сочинения, мемуары, фотографии, предметы и т. д. Желательны дополнительные рассказы родственников, близких людей, знакомых, сослуживцев и т. п.

Индивидуальная история жизни может стать основой для изучения *способов «проживания жизненных событий»*: индивидуальных кризисов, поворотных моментов жизненного пути, личностного опыта проживания значимых социально-исторических событий, индивидуальных «технологий» преодоления социальных опасностей (репрессий, коллективизации и т. п.)

История жизни часто используется в гендерных исследованиях, позволяя выделить специфику моделей мужского и женского поведения в определенных социальных общностях и ситуациях.

Биографические повествования в своей совокупности могут стать предметом анализа в качестве *коллективного* опыта «проживания» определенных жизненных ситуаций. Сравнительный анализ большого числа биографий позволяет *типологизировать* жизненные стратегии в сходных ситуациях, конструировать образцы (нормативные модели) поведения или типы социокультурных ориентаций и стилей жизни. Источниками информации в этом случае

служат не только истории жизни, но и официальные и неофициальные документы, социальная статистика, архивы, данные опросов общественного мнения, другие социологические исследования.

История семьи изучает взаимодействие семьи и общества в процессе социальных изменений на протяжении поколений. Семья рассматривается как локальная и относительно устойчивая малая группа, взятая в исторической перспективе, которая разделяется и перестраивается в каждом поколении, что не исключает ее «непрерывности» как социального феномена. Анализируются, прежде всего, процессы социальной и территориальной (географической) мобильности членов семьи, преемственности и изменения социального статуса от поколения к поколению, передача «культурного капитала» или трансформации ценностей.

Источником информации здесь служат глубинные интервью, семейные архивы, генеалогические графы. Анализ проходит в два этапа: первоначально собирается информация об индивидуальных биографиях членов семьи (при этом используется тактика «*история жизни»*), а затем анализируется история семьи как коллективный опыт жизни на протяжении десятилетий. Важной является информация о региональной специфике места проживания семьи, для получения чего используются соответствующие способы сбора данных.

Grounded theory («обоснованная теория»), или ***восхождение к теории***, в качестве тактики качественного анализа была выдвинута американскими социологами Б. Глейзером и А. Страусом в конце 60-х гг. XX века[39]. Тактика *«восхождение к теории»* есть интеракционное построение *мини-теории* как результата процесса сбора и анализа эмпирических данных; она представляет собою формулировку *теории случая.*

---

[39] Сам термин *grounded theory* переводится как *«обоснованная теория»* и обозначает построение мини-теории, основанной на фактах. Однако более важным является не то, что теория обоснована, а тот способ, которым теория *строится* из реально наблюдаемых фактов. Поэтому возможен вариант передачи термина словосочетанием *«восхождение к теории»*. При этом подчеркивается процесс перехода от реальных фактов, через концептуализацию, к обоснованной теории. Однако можно применять (как это чаще всего и делается) первоначальную английскую транскрипцию – *grounded theory*.

Цель такого исследования состоит в рассмотрении конкретной жизненной ситуации как *формы проявления* определенного феномена или закономерности, которые подлежат *теоретизированию,* т. е. обобщенному абстрактному представлению в виде теоретического утверждения (мини-теории) или теоретических гипотез. В итоге мини-теория конструируется, выстраивается на основе фактов из жизни или какого-то случая.

Тактика заключается в следующем: исследователь собирает многоаспектные сведения о событиях, действиях и отношениях людей в рамках одной локальной повседневной ситуации; группирует и связывает разнородные данные в обобщающие понятия – образы (кластеры) и, поэтапно поднимаясь ко все более абстрактным категориям, конструирует абстрактный теоретический «случай», что позволяет представить его в виде самостоятельной теории или ряда гипотез. Иначе говоря, данная тактика направлена на *концептуализацию* обыденного опыта, повседневной жизни.

Процесс анализа данных в тактике *grounded theory* имеет свою стандартную технику и предусматривает несколько стадий *кодирования* (открытое, осевое, выборочное), а затем составление условной *матрицы*, связывающей влияние определенного социального контекста с различными формами проявления феномена[40].

Рассмотрим пример построения мини-теории на основе *«случаев»*, сложившихся в судьбах двух людей в 1930-1940-е гг. в России[41].

Из анализа биографий двух специалистов по строительству видно, что один из них, Иван Д., с 1932 г. по 1950 г. «кочевал» по всей стране, занимая небольшие начальственные должности в строительстве и нигде не задерживаясь больше, чем на два года. В итоге, сменив восемь мест, он стал в 1950 г. начальником отдела в Министерстве строительства, в Москве. До этого он работал только на периферии.

Другой специалист, Иван К., одногодок первого, также постепенно рос в должностях на разных стройках и за тот же период вырос до уровня начальника отдела строительства ЦК КПСС. Всю свою жизнь он провел в Москве.

---

[40] Анализ данных, имеющий целью концептуализацию и построение мини-теории (что непосредственно относится к тактике *grounded theory*), см. в: § 5 данной главы.

[41] *См.*: Семенова В., Фотеева Е. Судьбы людей. Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. – М.: Ин-т социологии РАН, 1996. – С. 144 – 179.

Сравнение двух служебных биографий позволяет сделать вывод, что оба объекта отличались *интенсивной восходящей профессиональной мобильностью.* Это заключение вовсе не затушевывает тот факт, что один жил постоянно в Москве, а другой перманентно переезжал: в период «индустриализации» постоянно возникали новые объекты строительства, и Иван Д. менял стройки по мере завершения одних и возникновения других. На основе такой «беспокойной» биографии можно сделать также вывод о том, что подобная профессиональная мобильность полностью соответствует периоду «индустриализации».

Однако вскоре были открыты такие факты: Иван Д. по происхождению был дворянином, до вуза закончил семинарию и этим был известен. Иван К. по происхождению был из рабочих.

В биографии Ивана Д. были события такого рода: после его очередного переезда на новое строительство на старом месте руководящие работники строительного управления (треста, комбината) арестовывались и подвергались репрессиям. Иначе говоря, репрессии *«шли по пятам»* за Иваном Д., а ему удавалось от них «убегать».

Таким образом, после изучения и сравнения двух внешне очень схожих биографий были созданы мини-теории. *Первая*: субъективный смысл высокой профессиональной мобильности специалистов из социально-преследуемых групп в 1930-1940-е гг. состоял в том, что это была *стратегия «убегания от власти»* как быстрая циркуляция по периферии. *Вторая*: высокая профессиональная мобильность социально привилегированных групп имела субъективный смысл *стратегии «вхождения во власть».*

Мини-теория «убегания от власти» опирается на реальные факты. Даже если подобную стратегию использовали не все выходцы «из бывших», это ничуть не умаляет ее эвристическую ценность.

Таким образом было показано, что за внешне похожими действиями скрываются совершенно различные социальные смыслы конкретных человеческих поступков и социального поведения в целом.

***

Итак, мы рассмотрели такие основные качественные методы, как стратегии и тактики социологического исследования. К общим свойствам (характеристикам) разных методов можно отнести следующие.

1. Ориентация на длительный непосредственный контакт исследователя с изучаемым социальным феноменом; наблюдение за повседневной практикой социального взаимодействия.

2. Познание объекта в первую очередь с помощью изучения неструктурированных источников как живых образцов устной или письменной речи, содержащих информацию о субъективных смыслах непосредственного опыта.

3. Одновременное использование нескольких разноплановых источников информации об объекте и разных методов.

4. Всестороннее описание состояния социального феномена в совокупности всех характеристик.

Многообразие техник, а главное – их нестандартность в качественном исследовании отличают этот подход от количественного. Исследователь может изобретать способ действия и собственную стратегию, подходящую для изучаемой ситуации. Вместе с тем, так же как и в жесткоструктурированном подходе, он должен следовать определенным канонам научного поиска, концептуализировать свои наблюдения и интерпретацию в понятиях теории, обосновывать аргументы, опираясь на достоверные данные.

§ 3. Источники качественной информации

Методы получения информации, в отличие от стратегий и тактик исследования, рассмотренных в предыдущем параграфе, называют также *источниками,* или *способами получения* информации.

Наблюдение – метод сбора первичной информации путем прямой и непосредственной регистрации событий и условий в естественных для объекта обстоятельствах. При этом первичным полевым документом является *дневник наблюдений*. Разновидность – *включенное наблюдение* – представляет такое же изучение общности, но в этом случае исследователь является одновременно членом этой общности.

Глубинное интервью – непринужденная беседа интервьюера и респондента с целью детального изучения проблемы. Интервьюер при этом имитирует роль равноправного собеседника. Такого рода интервью бывают неструктурированными или полуструктурированными и продолжаются до 12 часов беседы (по 1,5 – 2 часа за один сеанс).

Нарративное интервью (*narrative* – рассказ, повествование) – свободное повествование из жизни рассказчика без всякого вмешательства со стороны интервьюера, кроме возможных междометий, отдельных слов, выражающих удивление или одобрение, для стимулирования респондента. Предполагается, что в ходе свободного рассказа будут ассоциативно всплывать те эпизоды и моменты из жизни, которые представляют для рассказчика наибольшую субъективную ценность. Нарративное интервью – это, по сути, «поток сознания».

Полуструктурированное интервью представляет собою интервью с «путеводителем», т. е. общим планом разговора, обозначе-

нием интересующих тематических блоков и аспектов. Формулировки вопросов остаются свободными и открытыми, а сами вопросы не должны нарушать естественного хода беседы и навязывать темы.

Биографическое интервью является разновидностью полуструктурированного, где тематические блоки соответствуют последовательности жизненных циклов индивида: «Детство», «Юность», «Учеба», «Женитьба», «Дети» и т. д. Интервьюер только направляет беседу от одного блока к другому.

Лейтмотивное интервью – еще один вид полуструктурированного: ориентирует разговор на изменение динамики одного и того же аспекта жизни индивида на протяжении его биографического пути. Это – разговор «одной темы», но этот лейтмотив прослеживается на протяжении всей прошедшей жизни.

Фокусированное интервью (также относится к полуструктурированному) направляет разговор только на одну ситуацию, на один аспект, взятый без динамики, в определенный интервал времени. Цель интервьюера – пытаться углубить тему, выяснить максимальное количество интересующих подробностей.

Диалоговое интервью (или ***свободная беседа***), в отличие от предыдущих видов интервью, представляет собою равноправный диалог исследователя и респондента, причем интервьюер занимает в беседе активную позицию, открыто высказывает собственное мнение по кругу обсуждаемых вопросов. Мнения социолога, иногда не совпадающие с высказываниями респондента, заставляют последнего уточнить свою позицию или даже изменить ее.

Анализ документов включает в себя как изучение *официальных* документов (государственная статистика, государственные и иные документы), так и *неофициальных* (личных), называемых также *«документами жизни»*. К ним относятся самые разнообразные тексты, письма, дневники, мемуары, продукты СМИ, посмертные записки, интервью (всех видов и форм), кино-, видео- и фотодокументы, надписи, неодушевленные предметы как свидетельства чего-либо, «язык тела» (невербальная эмоциональная форма коммуникации) и т. д.

Для исследования малых групп, которое может находиться на стыке качественной и количественной парадигм исследования, применяют также *метод фокус-групп, социометрический тест, социометрическую матрицу*. Последняя является уже полностью формализованной процедурой. На ее основе можно построить *социограмму* (графическое изображение симпатий и антипатий внутри группы).

§ 4. Логика и этапы качественного исследования

Если отталкиваться от более знакомой процедуры количественного анализа, то отличия в этапах развития исследования двух парадигм можно представить в виде таблицы (табл. 6).

Таблица 6

Содержание и последовательность операций
в количественном и качественном исследованиях

Количественные методы	Качественные методы
Гипотезы	
Гипотезы формируются в программе до начала сбора данных. В процессе изучения осуществляется их проверка.	Значения фактов, явлений осмысливаются после «погружения» исследователя в поле. Гипотезы формируются на заключительном этапе анализа.
Концепции	
Формируются из теорий и переводятся на язык операций с данными.	Концепции – результат обобщения терминологических «гнезд» (таксонов) живого языка, тем, понятий.
Измерительные процедуры	
Инструменты измерения разрабатываются и проверяются в пилотаже, обычно формализуются.	Измерительные инструменты формируются в результате полевого исследования; часто являются специфическими, отражают индивидуальный подход.
Представление данных	
Представлены в виде статистических распределений, шкальных показателей, результатов измерения взаимосвязей.	Представлены в виде высказываний, фрагментов документов, наблюдений, транскриптов.
Теории	
Гипотетико-дедуктивные, каузальные.	Могут быть как каузальными, так и интерпретативными, преимущественно индуктивными.
Процедуры исследования	
Стандартизированные; предполагается их повторение другими социологами.	Процедуры дублируются редко.
Анализ данных	
Осуществляется статистическими и другими формализованными методами.	Производится путем выделения тем или обобщения идей из состава свидетельств: организация данных нацелена на получение целостной картины.

Логика качественного исследования, в отличие от жесткоструктурированного подхода, зависит от свободы выбора самого исследования, но в то же время предполагает некоторые закономерные и общеупотребительные процедуры. Разработка процедуры качественного исследования – это работа по формированию собственной стратегии.

Роль и позиция социолога в качественном исследовании универсальна. Он должен обладать способностью к комбинированию абстрактного и конкретного; широкой социологической и общекультурной эрудицией; умением сопоставлять разные источники информации; функциями интервьюера, социального психотерапевта и психоаналитика; научной интуицией и воображением; способностью применять как индуктивную логику, так и логику здравого смысла; знаниями макросоциологических теории и подходов, равно как и микротеорий. Социолог, таким образом, превращается в «инструмент для сбора информации».

В качественном исследовании можно выделить следующие общепринятые этапы.

1. *Выбор и формулировка проблемы.* Предварительный сбор информации из самых различных источников об исследуемом поле.

2. *Постановка общего вопроса: что* и *как* происходит в социальной реальности. Вопрос определяет: а) феномен, подлежащий изучению; б) его аспекты, необходимые для изучения; в) что конкретно вы хотите узнать о данном предмете. Обычно такой вопрос ориентирован на изучение *действий* и *процессов*. Вопрос подразумевает также указание на источники информации.

3. *Формулировка подвопросов* похожа на операционализацию основного понятия в количественном исследовании: общий вопрос необходимо «разбить» на частные и конкретные. Подвопросы могут быть *проблемными* (выделять «узкие» аспекты проблемы), *предметными* (раскрывают отдельные предметные характеристики исследуемого феномена).

4. *Постановка центрального исследовательского вопроса.* Предыдущие два этапа позволили четко сформулировать в терминах качественного анализа предмет исследования.

5. *Формулировка цели* есть определение «конечного пункта» исследования. Эта операция определяет: а) *тактику*, в рамках ко-

торой социолог будет работать; б) *характер научного результата*, который ожидается в качестве конечной цели (описание, интерпретация, концептуализация); в) *субъектов*, которые будут служить единицами анализа (индивид, группа); г) априорную формулировку центральной концепции.

6. *Поиск и отбор индивидов* (респондентов). С этого момента для социолога наступает *полевой этап* исследования. Респонденты, как правило, делятся на: а) типичных (обычных) представителей; б) маргиналов; в) экстремальный тип; г) выдающихся личностей. Выбор респондентов должен быть обоснован.

7. *Установление доверительных партнерских отношений* с респондентом.

8. *Сбор данных* указанными выше способами.

9. *Оформление информации* в структурированном виде для хранения. Основная форма хранения информации – *транскрипт*, т. е. распечатанный и оформленный текст интервью с нумерацией строк; фиксированием специфических особенностей интервью (пауза, интонации, запинки, остановки, смех, удивление, междометия и т. д.); большими полями на правой стороне листа для «*мемосов*» (памяток, заметок), комментариев и соображений, первичного описания.

10. *Первичное описание* данных.

11. *Анализ данных и концептуализация.*

§ 5. Первичное описание и анализ данных

Независимо от преимущественного способа сбора данных первичная информация существует в виде неструктурированных текстов. Их следует упорядочить и сделать пригодными для понимания. Для этого необходимо совершить следующие действия, представляющие собою ряд этапов. Эти этапы называются *аналитическим описанием*.

1. *Первичное прочтение* текста целиком. Данный этап можно назвать «схватыванием» текста: нужно получить *общее ви́дение* текста до того, как он будет структурирован на фрагменты.

2. *Вторичное, «детальное» прочтение* текста. Здесь необходимо осуществить «плотное» описание. Аналитически описать текст – значит перечислить все интересующие нас характеристики

объекта анализа. При повторном прочтении текст полностью структурируется: весь массив разбивается на отдельные смысловые отрывки, содержащие внутренне законченный сюжет (отрывок называется *пассаж*, или *секвенция*). Каждой такой секвенции присваивается код – ключевое слово отрывка, его главная тема или сущность. Например, если респондент подробно рассказывает о своем детстве в районе Арбата, о том влиянии, которое Арбат оказал на его личностное формирование, то этому пассажу присваивается код «Арбат»[42].

На полях транскрипта социолог оставляет «*мемосы»* – короткие фразы, ремарки, комментарии, ключевые слова (коды), собственные соображения.

Коды «уплотняют», «сжимают» текст – отсюда и название: «плотное» описание. Помимо «уплотнения», аналитическое описание преследует и другие цели: а) выделение *контекстов* в тексте; б) определение *субъективной значимости* всего происходящего для участника действия (респондента); в) понимание того, *каким образом* происходил процесс.

«Плотное» описание решает следующие задачи: а) «плотно» описывая текст, мы его «сортируем»: выделяем главные характеристики и отбрасываем ненужные детали; б) отбирая необходимое и существенное для наших целей, мы конструируем новое, социологически значимое повествование; в) фрагменты текста (секвенции) организуются по темам, а также во временно́й, пространственной и каузальной последовательности; уже на этом этапе возникают первичные концептуализации; г) интерпретация пока еще минимальна или ведется в понятиях и образцах респондента.

3. *Первичное кодирование* может выступать в основных формах: а) *открытое кодирование* – присваивание кодов всем пассажам текста (т. е. то, что описано выше); б) *осевое кодирование* – это кодирование самих кодов, т. е. однородной совокупности кодов присваивается объединяющая их *категория*; совокупность категорий составляет основную *ось* транскрипта – главную тему (проблему) текста; в) *выборочное кодирование* – последний «проход» по тексту: после того, как выявлены главные темы и проблемы текста, мы отыскиваем те секвенции, которые наиболее ярко, эксплицитно ил-

---

[42] *Ср.*: Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – С. 180 – 183.

люстрируют основную тему; такие отрывки выборочно кодируются и в дальнейшем представляют собою «узловые моменты», «фокусы» нашей проблемы и, соответственно, интереса.

4. Необходимо осуществить *проверку надежности* полученных данных: а) сопоставление высказываний респондента с реальными фактами; б) выявление противоречий в высказываниях одного человека или разных индивидов; уточнение информации у других, причастных к событиям, людей; в) сопоставление с аналогичными («родственными») обстоятельствами и событиями в жизни других людей; г) сравнение данных с другими источниками информации и, прежде всего, количественными (если они имеются) для определения степени типичности, репрезентативности данного случая; д) особое внимание следует обратить на осуществление процедуры *триангуляции*. *Триангуляция* – перекрестная интерпретация одного и того же случая или фрагмента несколькими источниками или тремя аналитиками, работающими в исследовательской группе. Она предполагает сравнение интерпретации с позиций различных методов, сопоставление данной ситуации с аналогичными результатами в других исследованиях, повторное исследование того же объекта через определенный промежуток времени. Триангуляция повышает надежность данных путем выявления коллективного мнения (или междисциплинарного взгляда) относительно одного эмпирического объекта. Таково в общих чертах *аналитическое описание* данных.

После этапа аналитического описания, который сам по себе уже представляет первичный анализ данных, следует стадия концептуализации данных. Весь *процесс концептуализации* можно разделить на отдельные составляющие:

1) *первичная классификация* (*номинация*) данных: объединение некоторой однородной части первичной информации в класс. Стало быть, *номинирование* есть метод подведения совокупности частных данных под более общее (родовое) название;

2) *категоризация* данных представляет собою метод объединения класса информации под определенной социологической категорией (которая, впрочем, может быть взята из обыденного языка);

3) *субкатегоризация* есть конкретизация общей категории в ряде категорий ме́ньшей степени общности. Иначе говоря, субкатегоризация – это процедура логического деления общего понятия на частные и более конкретные;

4) *кластеризация* категорий (субкатегорий). *Кластер* – широкое, но вместе с тем конкретное, понятие (наглядное понятие, или понятие-образ), которое индуктивным методом объединяет в себе класс однородных, но не связанных до сих пор, категорий или субкатегорий. Процесс кластеризации целесообразно рассмотреть на примере.

***Пример*:** в известном качественном исследовании изучались семейные функции бабушек. Методом аналитической индукции была сконструирована категория «функции бабушек в семье». Затем эта категория была разбита на две субкатегории: «функции бабушек в образованных семьях» и «функции бабушек в необразованных семьях». После этого категория «уровень образования бабушки» была разделена на субкатегории («высокий / низкий»), а категория «среда, к которой принадлежала бабушка» – на составляющие: «интеллигентская» и «крестьянская». В результате суммирования этих и некоторых других категорий (например, «успехи / неуспехи внука») возникли наглядные, образные понятия, т. е. *кластеры*:

1) «*бабушки – воспитатели*» (бабушки – выходцы их бывших состоятельных семей – по отношению к внукам выполняли функцию воспитания, функцию «передачи культурного капитала через поколение»);

2) *«бабушки – няни»* (бабушки из крестьянских семей, которые выполняли функцию «ухода за внуком»).

Эти два основных кластера позволили в дальнейшем создать *мини-теорию*: бабушки из бывших состоятельных семей в течение десятилетий советского периода выполняли функцию транслятора культурного капитала через поколения, тогда как бабушки из крестьянских семей несли функцию ухода за ребенком, т. е. няни[43]. В данном примере можно видеть опыт построения *grounded theory* на основе использования *кластеров*.

5. *Создание мини-теории*. В этом случае используется тактики *grounded theory*.

---

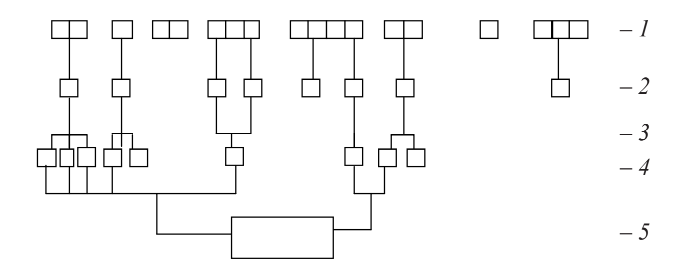
[43] *Ср.*: Семенова В.В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьба людей. Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / под ред. В.В. Семеновой, Е.В. Фотеевой. – М.: Ин-т социологии РАН, 1996. – С. 326 – 355.

Формулировку мини-теории можно признать наиболее успешным результатом качественного исследования. При таком итоге весь комплекс социологических процедур приобретает структурную целостность и концептуальную завершенность. Однако необходимо отметить, что вовсе не перед каждым качественным исследованием ставится задача сформулировать мини-теорию.

Весь изложенный выше процесс концептуализации в самых общих чертах можно представить в виде схемы (схема).

Схема 1

Схема построения концепций в качественном исследовании



На схеме: 1 – описание (классы); 2 – категории; 3 – субкатегории; 4 – соединение в кластеры; 5 – концепция (мини-теория)

Основные рекомендации по созданию адекватной мини-теории

1. Изучение всех доступных источников информации по исследуемой проблеме. Целесообразно вести «широкий» поиск источников, «захватывая» также похожие проблемы.

2. Использование сравнительного метода как способа построения теории. Особенно эффективно «сравнение от противного», т. е. поиск фактов и ситуаций, которые противоречат уже найденным закономерностям.

3. Создание новых мини-теорий не может быть плодотворным без знания уже существующих теорий и исследований в этой области.

4. Основанная на фактах теория предусматривает анализ всей совокупности данных, полученных в ходе исследования.

5. В заключительном отчете надлежит описать последовательность всех этапов «восхождения» к научным абстракциям, всех процедур, которые привели к формулировке мини-теории.

Типичные ошибки и трудности качественного анализа

1. Субъективизм интерпретации, вытекающий из неверной логики анализа объекта. В определенной степени преодолеть этот недостаток поможет триангуляция.

2. Поспешное обобщение данных, имеющее основание в малом количестве случаев.

3. Пренебрежение проверкой надежности информации всеми возможными способами.

4. Необходимо принимать во внимание проблему памяти людей при изложении прошлых событий.

5. Следует учитывать, что актуальная ситуация может накладывать отпечаток на описание индивидом прошлых событий, т. е. привести к «аберрации памяти».

Вопросы для самоконтроля

1. Каково соотношение между качественными и количественными методами?

2. Что такое микросоциология и макросоциология?

3. Назовите различия в стратегиях исследования качественной и количественной парадигм.

4. Дайте определение понятия «качественная социология».

5. Изложите классификацию качественных методов как стратегий и тактик исследования.

6. Расскажите о тактике *grounded theory.*

7. Каковы общие характеристики, присущие различным качественным тактикам?

8. Перечислите источники качественной информации и дайте их характеристики.

9. Сравните содержание и последовательность операций в качественном и количественном исследованиях.

10. Охарактеризуйте этапы качественного исследования.

11. Расскажите о первичном описании данных.

12. Какими способами осуществляется проверка надежности полученных данных?

13. В чем состоит сущность и каковы этапы концептуализации?

14. Расскажите об основных ошибках в качественном исследовании и назовите рекомендации по созданию мини-теории.

Глава IX. Интерпретация данных

§ 1. Понятие интерпретации данных

Только в социологии понятие «интерпретация» (от лат. *interpretation* – разъяснение) имеет столько значений, что прежде чем говорить о каком-либо содержательном процессе истолкования, необходимо установить точное значение, в котором будет употребляться этот термин.

Можно выделить, как минимум, три основных значения понятия «интерпретация» в социологии.

1. *Интерпретацией* на этом этапе создания программы социологического исследования называют различные операции с понятиями. При этом можно выделить: а) *теоретическую интерпретацию*, или логический анализ основных понятий, цель которой состоит в создании *теоретической модели*, т. е. обобщенного понятийного выражения проблемной ситуации; б) *эмпирическую интерпретацию* – этап поиска эмпирических значений для тех понятий, которые мы отобрали для своей модели в процессе теоретической интерпретации. Эмпирическая интерпретация и непосредственно из нее вытекающая *операционализация* понятий[44] суть процедуры приписывания (придания) понятиям реального содержания в виде конкретных социальных процессов. Эти операции уже рассматривались в гл.V о социологическом измерении.

2. Название *интерпретации* также получил комплекс процедур, применяемых к только что полученным данным, а именно: группировка, установление средних мер, одномерный и многомерный анализ, графическое отображение, корреляция и регрессия и, наконец, математический анализ (интерпретация) данных.

3. *Интерпретация* (в строгом смысле) – это процесс установления или приписывания содержания понятий, теорий, эмпирических фактов и т. д. Интерпретация придает также смысл различного рода

---

[44] По существу эмпирическая интерпретация и операционализация суть две стадии единого процесса определения понятий. Зачастую понятия «эмпирическая интерпретация» и «операционализация» употребляют в качестве синонимов.

соотношениям и *корреляциям* (качественным и количественным). Иначе говоря, на заключительной стадии исследования, когда мы уже получили эмпирические данные и подвергли их статистической, логической и математической обработке (т. е. интерпретировали в том значении, что указано в п. 2), перед нами возникает главная проблема любого социологического исследования – дать *семантическую интерпретацию* полученным данным, т. е. придать смысл и значение той информации, что обнаружена нами; объяснить, что означают конкретные факты, полученные цифры, установленные средние меры, корреляции, регрессия, дисперсия и т. д. Мы должны ответить на главные вопросы исследования: что это значит? как это понять? каким образом объяснить? по какой шкале оценить? Иначе говоря: как интерпретировать? По большому счету, нужно признать: вся социология, по своей сущности и применяемым методам и процедурам, есть *интерпретация* (конструирование) социальной реальности, есть *наука интерпретирующая.*

Поскольку интерпретация в первом значении, – как логический анализ понятий и операционализация, – рассматривалась в гл.V, то здесь мы обратим внимание на два других смысла важнейшего социологического понятия.

§ 2. Интерпретация результатов математического анализа данных

Этап интерпретации данных – один из самых ответственных в процессе применения математических методов. В данном случае интерпретация есть сопоставление математического формализма с изучаемыми при его помощи социальными явлениями, а также описание разных способов построения социологической теории[45].

В чем смысл математической интерпретации данных? Прежде всего, необходимо выделить два уровня исходных данных.

Первый уровень («содержательный») – это совокупность эмпирических объектов (например, респондентов), рассматриваемых вместе с определенными, интересующими исследователя отноше-

---

[45] Подробнее *см.:* Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях / Отв. ред.: В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. – М.: Наука, 1987; Крыштановский А.Ю. Анализ социологических данных. – М.: ГУ ВШЭ, 2007.

ниями между ними. Например, могут рассматриваться отношения между респондентами по их удовлетворенности своим трудом. Каждый объект из этой совокупности рассматривается не как реальный («жизненный») со всей присущей ему индивидуальностью, но только как носитель упомянутых отношений. От остальных свойств объекта мы отвлекаемся (абстрагируемся).

Второй уровень полученных данных возникает следующим образом. В *процессе измерения* каждому эмпирическому объекту приписывается некоторый формальный (обычно математический) символ, и, таким образом, эмпирическая система преобразуется в математическую. Совокупность *результатов измерения* и есть второй («формальный») уровень исходных данных.

В основу математической интерпретации положено обоснованное предположение, что элементы математической системы, которая использовалась при измерении, удовлетворяют ряду условий:

1. Отношения между элементами математической системы «отражают» соответствующие отношения между эмпирическими объектами. Например, используя порядковую шкалу для измерения удовлетворенности респондентов своим трудом, мы предполагаем, что выраженное в числах отношение «больше/меньше» между ответами респондентов соответствует аналогичному отношению между реальными «удовлетворенностями» тех же респондентов.

2. Мы считаем, что в ряде случаев определенные отношения между элементами математической системы «отражают» соответствующие эмпирические отношения даже в тех случаях, когда непосредственного моделирования последних в процессе измерения не происходило. Такое предположение называется *экстраполяцией.*

3. Можно сделать допущение, что социальное явление выражается в формализме в виде математической модели, для идентификации параметров которой предназначен используемый метод. Так, используя *регрессионный анализ*, мы полагаем, что значения зависимого признака, допустим, *линейным образом* связаны со значениями независимых характеристик. Применяя методы классификации или типологизации, исходим из того, что искомым классам (типам) действительно соответствуют определенные концентрации признаков («сгустки», моды) в социальном пространстве.

Использовавшуюся при измерении *математическую систему* в сочетании со всеми описанными ее свойствами называют *интерпретацией исходных данных*. Стало быть, *математическая интерпретация данных* – это используемая в процессе применения математического метода *формализация фрагмента изучаемой реальности*. Иначе говоря, в процессе математической интерпретации действительным объектам социальной реальности приписываются некоторые формальные конструкции.

Возможно и другое словоупотребление термина, прямо противоположное, когда под интерпретацией понимают не формализацию реальных эмпирических объектов, а напротив – процесс приписывания «содержательного» («эмпирического») смысла формальным конструкциям. Так или иначе, интерпретация предстает здесь как процедура «перевода» с языка одной науки на язык другой. Эти две науки – социология и математика.

Если под интерпретацией все же понимать процесс приписывания содержательного смысла полученным в результате применения математического метода формальным символам, выражениям, отношениям и т. д., то можно выделить ряд *принципов*, на которых строится процедура истолкования.

1. При интерпретации *результатов* применения математического метода в социологии, необходимо ее согласование с *интерпретацией исходных данных*. Это требование можно назвать *принципом согласования интерпретации*.

2. Второй принцип интерпретации – *принцип дополнения формализма.* Реализация данного принципа составляет основную проблему интерпретации и является делом, скорее, искусства, нежели науки. Суть его заключается в следующем. Многие представления социологов неформализуемы, и, следовательно, первичной интерпретации явно недостаточно. Чтобы применение метода было эффективным, необходимо, чтобы содержательные соображения, не отразившиеся в *интерпретации исходных данных* в силу как раз принципиальной неформализуемости, были уточнены при *интерпретации результатов применения метода*. Этот принцип, таким образом, предполагает корректировку интерпретации результатов.

Например, мы применяем типологический анализ для классификации (типологизации) респондентов по их бюджетам времени (временны́м затратам на разные виды деятельности). В то же вре-

мя сходство респондентов по типам определяется не только по временны́м характеристикам, но и по механизмам, формирующим тот или иной характер времяпровождения. Не имея возможности непосредственно оценить такие механизмы, мы при анализе результатов классификации судим о них на основании изучения ряда косвенных факторов (скажем, социально-демографических характеристик респондентов) и предлагаем способ корректировки полученной классификации с целью превращения ее в более строгую и обоснованную типологию.

Итак, *интерпретация результатов применения математического метода* в социологическом исследовании есть процесс решения социологической задачи на основе анализа математической модели, построенной с помощью соответствующего алгоритма. При этом должна учитываться интерпретация исходных данных (принцип согласования), а первичная интерпретация должна дополняться соображениями, которые не были формализованы при интерпретации исходных данных (принцип дополнения формализма).

В заключение параграфа необходимо обратить внимание на *специфику математической интерпретации*.

1. При использовании математических методов в социологии интерпретация (как перевод с языка одной науки на язык другой) осуществляется, как минимум, дважды: при переходе от содержательной задачи к математической (формальной) и обратно. Соответственно, здесь мы имеем два противоположных по своей направленности типа интерпретации.

2. На обоих этапах интерпретации следует уделять *одинаковое* внимание.

3. В исследовательской ситуации интерпретация всегда будет процессом творческим, до конца неформализуемым. В таком случае интерпретацию можно рассматривать как процесс выдвижения гипотезы, требующей проверки другими (нематематическими) методами.

4. Известный афоризм, уже цитированный в предисловии, гласит: «Прежде чем решать задачу, подумай, что делать с ее решением». В данном случае высказывание означает, во-первых, что конечная цель исследования во многом определяет выбор метода, а, следовательно, и саму интерпретацию (как перевод с одного языка на другой). Во-вторых, оба этапа интерпретации (см. п. 2) должны быть объединены конечной целью.

§ 3. Семантическая интерпретация

Многие исследователи полагают, что интерпретацией в строгом смысле следует называть заключительный этап социологического исследования, на котором как раз и осуществляется *семантическая интерпретация*, т. е. процесс придания смысла *обработанным* (в том числе и математическими методами) данным. Любая первичная социологическая информация, а также результаты математического анализа, полученные в результате обработки первичных и вторичных данных компьютером, *не являются* содержательной стороной социального явления: цифры, схемы, графики, таблицы и т. д. ничего не объясняют и не служат ответом на вопросы, поставленные перед социологами. Для того чтобы они стали моделью понимания и объяснения социальной реальности, их нужно интерпретировать, точнее – *семантически* интерпретировать.

Отсюда следуют важные методологические положения, касающиеся процесса интерпретации.

1. Характер оценки и интерпретации данных большей частью предопределен уже на стадии концептуального оформления исследования, т. е. на этапе логического анализа основных понятий (теоретической интерпретации), а также эмпирической интерпретации и операционализации понятий, когда выясняются качественные характеристики элементов изучаемого явления.

В гораздо меньшей степени, почти что незначительно, это свойство интерпретации (зависимость от концептуализации) присуще *качественным методам*, ибо в их сфере вполне возможна ситуация, когда процесс интерпретации *предшествует* не только «операционализации» понятий, но и постановке проблемы исследования.

2. Интерпретация и оценка данных в значительной мере зависят от социологической модели понимания и объяснения, которой придерживается социолог и, – шире, – того направления в социологии, которому он принадлежит.

Например, у нас есть данные о росте численности средних слоев населения. О чем говорят цифры? Как их оценить и истолковать?

Социолог марксистской ориентации наличие в обществе широкого (большого) среднего слоя истолкует как «обуржуазивание пролетариата» и, следовательно, как фактор, уменьшающий степень классовой борьбы и напряженности, и, следовательно, как крайне негативный социальный процесс.

Для представителей структурного функционализма развитый и обширный средний класс есть один из признаков современного общества и его перехода в стадию стабильной эволюции, адаптации и интеграции. Стало быть, рост среднего класса будет воспринят только положительно и оценен как симптом социального прогресса.

Приведенный пример сознательно демонстрирует *полярные* подходы к интерпретации одного и того же социального факта. В действительности социологической практики подобные ситуации встречаются, но, конечно же, не часто. Однако эти гипотетические интерпретации и оценки в выпуклой, рельефной форме показывают зависимость процесса анализа и истолкования от принятых социологом теоретических парадигм понимания и объяснения.

3. Огромное значение для квалифицированной интерпретации имеет социальный (жизненный) и социологический (профессиональный) опыт исследователя, его способность и склонность к анализу и синтезу широкой, первоначально разрозненной и мозаичной эмпирической информации.

4. Для интерпретации чрезвычайно важен учет объективных и субъективных факторов, воздействующих на процесс сбора информации (социально-экономическая специфика региона; национальные, религиозные, социокультурные особенности респондентов; гендерный аспект источников; статистический материал и т. д.).

5. Интерпретация требует не только опыта, но и творчества, воображения, интуиции. Границы для их применения устанавливает *общая логика интерпретации*. Она состоит в превращении эмпирических данных в *показатели*. Эти показатели являются уже не просто числовыми величинами и мерами, а социологическими данными, получившими оценку путем их соотнесения с первоначальными замыслами социолога, его знаниями, профессиональными убеждениями, предпочтениями и опытом.

6. Интерпретация, в конечном счете, основывается на выдвинутых в начале исследования *гипотезах*. Глубоко продуманные и обоснованные гипотезы входят в общую логику интерпретации и, с одной стороны, «задают» характер процесса истолкования, инспирируют творчество социолога и работу его воображения, с другой – служат своего рода «рамками» (фреймами), внутри которых дается приемлемое и адекватное целям исследования объяснение и истолкование социального явления.

7. В процедуре первоначальной интерпретации можно условно выделить *два этапа* анализа полученных данных, которые представляют собою различные операции с величинами и в этом смысле, строго говоря, семантической интерпретацией еще не являются. Однако обе эти процедуры интерпретацию обусловливают и задают, совместно с гипотезами, общее направление и характер.

Описательное исследование данных предполагает группировку, интерпретацию средних величин, одномерный анализ данных и последующее соотнесение данных с уже имеющимися знаниями и установками исследователя, сравнение их между собой или с каким-то внешним, но «родственным» (однородным) признаком. Описательное исследование как этап первоначальной интерпретации может показать состояние и характер изменения изучаемого социального явления, но не способен вскрыть причины этих изменений. Эта задача решается на следующем этапе первоначальной интерпретации, а именно в ходе аналитического исследования.

Аналитическое исследование занимается поисками связей между характеристиками объекта, их взаимовлияний, тенденций, типологий и причин изменения. Здесь производится многомерный анализ данных, и применяются типологический, факторный, причинный и другие методы исследования.

8. Конечная цель семантической интерпретации – реконструкция смысла событий, поступков, явлений, социальных структур и их функций, экспектаций и норм. Короче говоря, мы должны *понять* то *социальное*, которое изучаем.

Понятие *интерпретации* тесно связано с такими терминами, как *понимание*, *объяснение*, *описание*. Все эти понятия являются «родственными», т. е. логически совместимыми, и находятся в отношениях пересечения или субординации.

Для адекватного уяснения смысла социологической интерпретации целесообразно рассмотреть «взаимоотношения» между значениями этих понятий.

§ 4. Понимание, объяснение, интерпретация, описание

Понимание как стратегия исследования предполагает, что социальные действия и события истолковывались именно таким образом, что при этом выявляется (эксплицируется) тот субъективный

смысл, намерения, мотивы, желания, которые действующий индивид (индивиды) вкладывал в свои поступки. Стратегия понимания может быть реализована и качественными, и количественными методами. Однако жесткое предпочтение какой-либо одной фундаментальной стратегии социологического исследования всегда ущербно, ибо качественные и количественные методы являются взаимодополнительными. Там, где трудно использовать количественный подход, всегда может выручить качественный и наоборот.

Понятие **«объяснение»** употребляется, по меньшей мере, в двух наиболее часто применяемых значениях.

1. *Семантическое объяснение* ориентировано на раскрытие смысла чего-либо. Речь здесь идет не о каком-то «запредельном» и трансцендентном смысле, а о сущности обыденных, каждодневных, бытовых действий, событий или предметов. Мы «переводим» то, что хотим объяснить, на понятный нашему слушателю язык, исходя из его предполагаемого уровня знаний, опыта, осведомленности, ценностно-нормативных представлений. Наиболее «артикулированным» примером такого рода объяснения является объяснение ребенку какого-либо слова, действия, назначения предмета и т. п. Иначе говоря, подобное объяснение – это, прежде всего, *коммуникативный акт*, направленный на конкретного слушателя (аудиторию) и имеющий прагматическую цель – добиться *понимания*.

Понимание в данном случае есть не что иное, как *соглашение*, *конвенция* между коммуникаторами относительно значений тех слов, которые употребляются в процессе общения. Коммуникативно-прагматический характер понимания как раз и подчеркивается его открытой, диалоговой, конвенциональной формой.

2. *Научное объяснение* направлено не на конкретного коммуникатора, а на принятые в данное время стандарты научной рациональности, на требования истинности логического вывода. Другими словами, научное объяснение должно строиться в полном соответствии с демонстративным умозаключением: из истинности посылок, при соблюдении правил логического вывода, с необходимостью следует истинное заключение.

В основе научного объяснения лежит некоторый *общий закон*, позволяющий объяснить или предсказать результаты наблюдения. Именно к этому стремились в свое время К. Поппер и К. Гемпель,

создавая концепцию «охватывающего» (общего) закона. Критерий успешности научного объяснения в таком случае – возможность подведения наблюдаемых событий или действий под некую общую (охватывающую определенный класс явлений) закономерность.

Естественно, речь здесь идет о таких науках, в которых существуют эмпирические наблюдения в качестве источника первичной информации. Соответственно, к наблюдениям такого рода не могут быть отнесены, допустим, показания физических приборов, поскольку они представляют собою не эмпирический первичный материал, а достаточно сложную и формализованную *интерпретацию* природных процессов. В строго логическом смысле физические приборы суть *научные понятия* (или единицы измерения) со всеми присущими этим абстракциям характеристиками. Тем более, подобного рода объяснение не может быть использовано такими предельно абстрактными науками как, например, математика, символическая логика или теоретическая физика, не имеющими прямого отношения к эмпирической действительности в силу своего *конструктивного* характера.

Существенная черта научного объяснения – его *принципиально фальсифицируемый* характер, открытый К. Поппером: поскольку абсолютных истин не существует и *любое* истинное суждение может быть опровергнуто в другой системе координат, постольку каждое научное объяснение истинно лишь в определенных границах и при определенных условиях. Словосочетание «фальсифицируемый характер» означает, что в отношении научной истины всегда можно сформулировать осмысленное, рациональное *отрицание*. Это утверждение не касается, конечно же, *трюизмов*, т. е. банальных бытовых сентенций («Жизнь есть жизнь», «Все мужчины эгоисты», «Мяч круглый, поле ровное»), которые, в принципе, не подлежат ни научному отрицанию, ни научному обсуждению.

Таким образом, можно сделать заключение: *семантическое* объяснение – это *понятное* высказывание. Оно вовсе не обязательно может разделяться коммуникатором или приниматься на веру. Коммуникатор может с ним категорически не соглашаться, однако это высказывание ему *понятно*.

Научное объяснение – это *истинное* высказывание. Разумеется, свою истинность оно сохраняет в фиксированных конвенциональ-

ных границах, в определенный временно́й интервал и при неизменных условиях. Но здесь, в своей системе, это высказывание истинно. При этом совсем не обязательно, что оно будет *понятно*.

Интерпретация представляет собою такое высказывание, которое сочетает в себе свойства и *семантического* и *научного* типов объяснения. В социологии *идеальной теоретической интерпретацией* исследователя является такая, которая может быть «переведена» на так называемый «семантический» (обыденный) язык. Иначе говоря, наилучшей будет ситуация, когда и актор, и социолог, по сути, *одинаково* (хотя, быть может, в различных терминах) объясняют социальное действие, ситуацию, явление.

Такого рода интерпретация является наиболее желанным объяснением для социологии, поскольку сугубо научное объяснение (именно в социологии) может оказаться неадекватным и недостаточным, если в нем игнорируется интерпретация действий и событий «с точки зрения действующего лица или участников». Как раз в попытке обойтись без субъективных интерпретаций заключалась главная ошибка всех позитивистских подходов и теорий, предполагавших использовать в науках о человеке и обществе те же модели объяснения, которые используются в естественных науках.

В социальных науках довольно часто истинное (научное) объяснение оказывается *иррелевантным*, т. е. попросту не относящимся к сути дела в исследуемом случае. Социология и другие общественные науки часто объясняют реальные сложные явления, в которых один и тот же результат может быть вызван несколькими различными причинами. Такое явление называется *множественной реализуемостью*. При возникновении подобной ситуации социолог обращается к субъективным интерпретациям акторов. Именно эти интерпретации действующих индивидов очень часто играют решающую роль при выборе одной – одновременно и релевантной, и объясняющей суть происходящего, – версии среди множества верных, но, тем не менее, нерелевантных, не относящихся к делу объяснений.

Описание состоит в фиксировании данных эксперимента или наблюдения с помощью определенных систем обозначений («язык описания»), принятых в данной науке. Описание подготавливает переход к теоретическому исследованию (объяснению). Описание, в отличие от объяснения, не содержит никаких отсылок к причинам, механизмам или законам, поясняющим, почему нечто происходит.

В действительности многие описания являются своего рода «свернутыми» объяснениями, т. е. объяснениями с опущенными посылками. Например, отвечая на вопрос: «Что это?», мы неявно ссылаемся на уже известные собеседнику причинные связи, факты, события, нормы, обычаи и т. д. Если мы отвечаем: «Это – очередь в буфет», то мы надеемся, что собеседник знает, что такое «очередь» и что такое «буфет». В том случае, если он с таким феноменом и учреждением не знаком, то мы переходим к их объяснению.

Таким образом, объяснение отличается от простого описания не столько тем, *чтó* именно говорится, сколько обобщенностью и включением объясняемого поведения (события, факта) в более широкий контекст повседневного или научного запаса знаний.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы основные значения понятия «интерпретация»?
2. Назовите уровни исходных данных при математическом анализе данных.
3. Что представляют собою основные характеристики (условия) математической системы, применяемой для интерпретации?
4. На каких принципах строится процедура математической интерпретации?
5. В чем состоит специфика математической интерпретации?
6. Расскажите об основных методологических принципах семантической интерпретации.
7. В чем заключается сущность описательного и аналитического типов исследования?
8. Дайте характеристику семантическому объяснению.
9. Чем является научное объяснение?
10. Сравните семантический и научный типы объяснения.
11. Проведите сравнительный анализ процедур объяснения и интерпретации.
12. В чем состоит сущность описания?

Заключение

Социология стремится исследовать как общие закономерности и тенденции общественного развития, так и понимать смысл конкретных социальных действий, повседневной жизни людей. Обе эти общесоциологические тенденции обоснованы классиками науки, всегда имели равное право на существование и за достаточно короткий исторический период существования социологии доказали собственную оригинальность, креативность и перспективность. Как макро-, так и микросоциология – обе освоили и обжили наиболее близкие и родственные каждой из них регионы социального пространства. Быть может, слово-кентавр «социология», состоящее из корней двух различных языков, стало со временем символом той пары слишком независимых тенденций в социальной науке (чего изначально, конечно же, не хотел Огюст Конт), которые никак не хотели примириться.

Однако время раздоров «объективистов» и «субъективистов», можно надеяться, закончилось. Современная социология уже не решает неверно сформулированную проблему социального генезиса: что, в конце концов, является определяющим – макроструктуры и социальные факты или же личности и конкретные человеческие действия? Интегративистский взгляд на общество и науку, его изучающую, видит в жизни социума не естественно-исторический, а социально-исторический процесс. Стало быть, среди основных факторов, этот социум формирующих, есть место и социальным фактам, и социальным действиям.

Методология сбора, обработки, анализа, интерпретации и объяснения данных также не осталась не затронутой общей социологической тенденцией интегративизма. Описание, объяснение и понимание социальной реальности вполне могут быть объединены в единый методологический и инструментальный комплекс, коль скоро мы обращаемся к интегративным стратегиям социологического исследования, соединяющим в себе и количественный и качественный анализ эмпирических данных.

Библиографический список*

Основная литература

1. *Анурин, В.Ф.* Анализ социологической информации / В.Ф. Анурин. – Н. Новгород: НКИ, 1999.

2. *Батыгин, Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований / Г.С. Батыгин. – М.: Аспект-Пресс, 1995.

3. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

4. *Девятко, И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования / И.Ф. Девятко. – М.: Ин-т социолог. образования, 1996. – 174 с.

5. *Она же.* Методы социологического исследования / И.Ф. Девятко. – М.: КДУ, 2006. – 296 с.

6. Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях / отв. ред.: В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. – М.: Наука, 1987. – 255 с.

7. Рабочая книга социолога / отв. ред. Г.В. Осипов. – М.: Наука, 1983. – 477 с.

8. *Семенова, В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию / В.В. Семенова. – М.: Добросвет, 1998. – 292 с.

9. *Татарова, Г.Г.* Методология анализа данных в социологии / Г.Г. Татарова. – М.: Стратегия, 1998. – 224 с.

10. *Она же.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях / Г.Г. Татарова. – М.: Высш. образование и наука, 2007. – 236 с.

11. *Ядов, В.А*. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. – М.: Омега-Л, 2007. – 567 с.

Дополнительная литература

12. *Абельс, Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Х. Абельс. – СПб.: Алетейя, 2000.

13. Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. – 560 с.

* Печатается в авторской редакции.

14. *Батыгин, Г.С.* История социологии / Г.С. Батыгин, Д.Г. Подвойский. – М.: Высш. образование и наука, 2007. – 444 с.

15. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Питер Бергер, Томас Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

16. *Вертгеймер, М.* Продуктивное мышление / М. Вертгеймер. – М., 1987.

17. *Гарфинкель, Г.* Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.

18. *Гидденс, Э.* Социология / Энтони Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 2005. – 632 с.

19. *Добреньков, В.И.* Методы социологического исследования / В.И. Добреньков, А.И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 768 с.

20. *Ионин, Л.Г.* Философия и методология эмпирической социологии / Л.Г. Ионин. – М.: ГУ-ВШЭ, 2004.

21. *Козер, Л.А.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / Льюис А. Козер. – М.: Норма, 2006. – 528 с.

22. *Крыштановский, А.Ю.* Анализ социологических данных / А.Ю. Крыштановский. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

23. *Масионис, Дж.* Социология / Дж. Масионис. – СПб.: Питер, 2004. – 752 с.

24. Методология и методы социологических исследований: итоги работы поисковых проектов за 1992 – 1996 гг. / под ред. О.М. Масловой. – М.: Ин-т социологии РАН, 1996.

25. *Парсонс, Т.* Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.

26. *Пушкин, В.Н.* Эвристика – наука о творческом мышлении / В.Н. Пушкин. – М., 1967.

27. *Ритцер, Дж.* Современные социологические теории / Дж. Ритцер. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

28. *Соколов, В.Н.* Педагогическая эвристика / В.Н. Соколов. – М., 1995.

29. Судьбы людей. Россия. XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / под ред.: В.В. Семеновой, Е.В. Фотеевой. – М.: Ин-т социологии РАН, 1996.

30. *Терехина, А.Ю.* Анализ данных методами многомерного шкалирования / А.Ю. Терехина. – М.: Наука, 1986. – 168 с.

31. Типология и классификация в социологических исследованиях / отв. ред.: В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. – М.: Наука, 1982. – 296 с.
32. *Шумилин, А.Т.* Проблемы теории творчества / А.Т. Шумилин. – М., 1989.
33. *Шюц, А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

Учебное издание

СЕМЕНОВ Валерий Евгеньевич

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ

Учебное пособие

Подписано в печать 26.01.09.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 7,67. Тираж 100 экз.
Заказ
Издательство
Владимирского государственного университета.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.